

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

№ 2-3
ФЕВРАЛЬ — МАРТ
1931

М О С К В А — 1 9 3 1
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕНИН И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ ПЛЕХАНОВА

Доклад т. Кучерова¹

Вопрос об отношении Ленина к философским, в частности к теоретико-познавательным взглядам Плеханова, не случайно встает на переходном этапе нашего философского развития. Именно на этом вопросе можно проследить в особенно четкой форме глубокую связь большевистской политики и тактики с ленинским пониманием диалектики, а с другой стороны — связь между политическим оппортунизмом в тактике меньшевизма и философскими ошибками Плеханова.

Вопрос о взаимоотношении Ленина и Плеханова, вскрывающий перед нами непосредственную связь философии с политикой, связан с ленинским этапом, на который вышла в последнее время наша философия. То обстоятельство, что до сих пор эта связь прелитики с философией не выступала в ряде работ наших философов, отразилось на неправильной оценке взаимоотношения Ленина и Плеханова у целого ряда философов-марксистов. Возьмем точку зрения Деборина и Карева на этот вопрос. Для Деборина отношения между Лениным и Плехановым представлялись как отношения между двумя теоретиками, выражавшими различные этапы в развитии русского рабочего движения. Эта формулировка выхолащивает борьбу большевизма с меньшевизмом. Она не верна уже потому, что и на раннем этапе рабочего движения, когда рабочий класс не имел еще организационно оформленной партии, Ленин уже выступает как крупнейший материалист-диалектик, самостоятельно применяющий принципы Маркса и Энгельса к ряду вопросов классово-борьбы в России. Для Карева отношение Ленина и Плеханова есть отношение двух струй марксизма, выражающих различные степени глубины в понимании марксизма. И эта формулировка тоже никуда не годится. В марксизме, как и в пролетарской партии, не существует множественности струй, из которых каждая могла бы называться марксистской. Точка зрения Карева не отчуждена от троцкистского понимания свободы течений и группировок. Мы должны сказать, что ошибки и недостатки Плеханова лежат за пределами марксизма, тогда как то правильное и ценное, что есть у Плеханова, необходимо входит в классическую литературу марксизма.

Основной предпосылкой к правильной оценке плехановского философского наследия должна служить, с одной стороны, та общая, высокая и положительная, характеристика, которую Ленин дает Плеханову-философу, а с другой стороны — те критические указания, которые сделаны Лениным по поводу философских ошибок Плеханова. При этом ошибки Плеханова должны быть разобраны в тесной связи с политической борьбой между большевизмом и меньшевизмом.

¹ Прочитан в Секции диалектического материализма Института философии Коммунистической Академии 25/XII 1930 г. Прения по докладу происходили 2/1 и 5/1 1931 г. Стенограмма сокращена. *Ред.*

Нельзя забывать, что ленинизм вырос и оформился в борьбе против оппортунизма в рабочем движении, в борьбе за непосредственную организацию пролетарской революции. Оппортунизм в рабочем движении всегда сопровождался и сопровождается выхолащиванием революционного содержания марксизма, извращением основных положений марксистской методологии.

Уже в 1902 г. в критике проекта программы Плеханова Ленин отмечает ряд существенных теоретических ошибок Плеханова. В 1904 г. Ленин упрекает Плеханова в том, что он сводит диалектику «к сумме намеков», «к сумме примеров». В 1905 г. Ленин упрекает Плеханова в отказе от разработки «логики сознательных социал-демократов». Все эти упреки имеют то же самое философское и политическое содержание, что и критические указания в IX и XII Ленинских сборниках.

С развитием борьбы между большевистской революционной тактикой и оппортунистической политикой меньшевиков углублялись различия между плехановским и ленинским пониманием диалектики. В своей полемике против большевиков Плеханов, не переставая, говорил о «непонимании» Лениным диалектики и потешался над «беспечностью Ленина насчет теории и в особенности насчет философии» (Сталин). Почти ни одно выступление Плеханова не обходилось, как говорил Ленин, «без иезуитской ссылки на диалектику». Чем подлее становилась тактика русского меньшевизма, тем больше опошлялись Плехановым основные принципы революционного марксизма, тем существеннее извращались им основные положения материалистической диалектики.

Для предыдущего этапа философской работы чрезвычайно характерно мнение т. Деборина о том, будто Ленин был учеником Плеханова-философа. Это мнение в корне ошибочно. Ленин не был и не мог быть учеником Плеханова в области философии. Философские взгляды Ленина формировались в процессе самостоятельной работы над основоположниками марксизма. Конечно, молодой Ленин высоко ценил и политическую, и теоретическую деятельность Плеханова того времени. И несомненно такие произведения Плеханова, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», являются классическими произведениями марксистской литературы. Однако если сравнить плехановскую и ленинскую критику народников, то мы увидим, что наряду с целым рядом общих с Плехановым моментов, в ленинской критике имеется своеобразный и самостоятельный подход к разрешению ряда важнейших вопросов.

Так, уже в 1894 г. Ленин с чрезвычайной ясностью формулирует теорию отражения («идеальное есть только отражение материального»), опираясь на основные теоретические положения марксизма и в первую очередь на методологию маркса «Капитала». Я подчеркиваю ленинский подход к теории отражения потому, что это — один из основных моментов марксистской теории познания и что теория отражения вскрывает единство логики, диалектики и теории познания. Плеханов никогда не понимал значения теории отражения в марксистской философии и защищал против нее теорию иероглифов. Ленин же, выдвигая теорию отражения и критикуя плехановские «иероглифы», дает нам глубокое, подлинно марксистское понимание единства логики, диалектики и теории познания. В самом деле, если мысли

являются отражением вещей, то в категориях мышления одновременно дана и диалектика объективной деятельности и диалектика человеческого познания.

Отчетливое понимание теории отражения, которое мы находим у Ленина уже в 1894 г., свидетельствует о том, что Ленин с самого начала подходил к философским вопросам самостоятельно. Мы вполне согласны с т. Адоратским, который в статье о философских занятиях Ленина говорит, что «сущность метода Маркса была продумана Лениным самостоятельно. Он владел этим методом в совершенстве, самостоятельно применяя его к вопросам русской экономики, русской истории, к вопросам классовой борьбы и политики».

Самостоятельное применение метода марксизма к вопросам революционного движения в России обусловило возможность того, что уже в 1902—1903 гг. Ленин выступил с философской критикой Плеханова. Дальнейшее превращение меньшевистской партии из оппортунистической в буржуазную сопровождается дальнейшим изменением идеологии меньшевизма в сторону буржуазного метафизического способа мышления. Основная черта буржуазного мышления, как это отметил Ленин в своем «К вопросу о диалектике», заключается в одностороннем возведении в абсолют одной стороны или одного кусочка сложного многообразного процесса. Ленин еще в 1905 г. обнаружил в политической методологии меньшевиков эту характерную черту одностороннего преувеличения одного кусочка действительности. «Плохие вы диалектики, товарищи из «Искры», — писал Ленин в 1905 г., — вы не умеете рассуждать диалектически, хотя прекрасно умеете влиять и вертеться, как Плеханов... Вы просмотрели, что при условии победы восстания все эти кусочки переворота неизбежно сольются в цельный, законченный «эпизод» восстания, тогда как без победы восстания кусочки останутся кусочками, жалкими, ничего не изменяющими, только филистерам удовлетворяющими кусочками... Опортунисты социал-демократии и накануне социалистического, и накануне демократического переворота имеют дурную привычку носиться, как с писаной торбой, с одним из мелких кусочков великого процесса, возводя этот кусочек в целое, соподчиняя этому кусочку целое, уродуя этим целое, превращаясь в силу этого в прихвостней непоследовательных и трусливых реформистов»².

Вот — социальная и философская характеристика меньшевистского мышления. Основные черты методологии меньшевизма — формализм, антиисторизм, механическое противопоставление внешнего внутреннему, отрицанию скачков, вульгарный эмпиризм (например теория зачинщиков Плеханова в 1914 г.) — все это непосредственно связано с политической практикой меньшевизма. Ибо политика, как говорил Ленин, имеет свою внутреннюю логику.

Логика меньшевистской политической тактики ничего не имела общего с логикой диалектического материализма. Отсюда отход Плеханова от революционного марксизма к буржуазным философским теориям. Когда-то революционный материалист-диалектик, талантливый представитель марксизма, Плеханов затем все больше и больше становится оппортунистом, оправдывающим политическое предательство пролетариата «опозданием марксизма», «карикатурой на

² Ленин, Собр. соч., изд. 3-е, т. VIII, с. 309 («Последнее слово» «искровской тактики»).

марксизм» (Ленин). Ленин в статье «Плеханов, не знающий, чего он хочет», писал: «Пожалеем Плеханова — он заслужил лучшего своей борьбой с оппортунистами-народниками, махистами и ликвидаторами»³.

В 80-х и 90-х гг. Плеханов выступает как пролетарский революционер, как политический руководитель революционного движения в России. Огромные заслуги Плеханова этого периода неоспоримы. Революционная практическая деятельность Плеханова в период до 1903 г. теоретически закреплена в ряде работ, имеющих огромное значение для понимания марксизма. Известны высокие оценки, данные Лениным Плеханову-философу. Еще в 1908 г. Ленин писал в статье «Марксизм и ревизионизм»: «Единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова»⁴.

Высоко ставя плехановскую критику ревизионизма, богдановщины, кантианства и т. д., Ленин однако считает эту критику недостаточно конкретной (письмо к Горькому от 24/III 1908 г.). В том же 1908 г. Ленин писал к Горькому: «Теперешнего Плеханова ни один русский социал-демократ не должен смешивать со старым Плехановым»⁵.

«Старый Плеханов» и Плеханов-оппортунист получили свое отражение в философском наследии Плеханова. В его философских работах, имеющих в общем очень большую ценность для философии диалектического материализма, переплетаются правильные положения с крупнейшими ошибками и недостатками, которые вскрывались Лениным на всем протяжении борьбы большевизма с меньшевизмом. Философские ошибки Плеханова имеют свою внутреннюю логику. Нельзя думать, что это — отдельные разрозненные ошибки. Есть глубокая внутренняя связь между апологетическим отношением Плеханова к Фейербаху и тем критерием познания, который в некоторых местах выставляется Плехановым. Есть глубокая внутренняя связь между этим критерием познания и непониманием теории познания как логики, как диалектики. А это непонимание в свою очередь связано с непониманием проблемы единства противоположностей. А после борьбы с механистами азбучной делается та истина, что непонимание единства противоположностей ведет к возвращенному пониманию проблемы качества и количества, не дает возможности развернуть четкую критику формальной логики и предохранить себя от формализма.

К уяснению этой связи на почве борьбы Ленина с меньшевистской тактикой я и попытаюсь перейти в моем дальнейшем изложении.

Апологетическое отношение Плеханова к Фейербаху в значительной степени было обусловлено тем влиянием, которое имел Чернышевский на развитие философских взглядов Плеханова. Сам Плеханов писал Лаврову, что «с тех пор, как во мне начала пробуждаться

³ Ленин, Собр. соч., т. XVII, с. 407.

⁴ Там же, т. XII, с. 185.

⁵ «Ленинский сборник», с. 89 (письмо к Горькому от 13/II 1908 г.).

теоретическая мысль, вы, Маркс и Чернышевский были моими любимейшими авторами, воспитавшими и развившими мой ум во всех отношениях». В другом месте Плеханов заявляет: «Мое собственное развитие совершалось под огромнейшим влиянием Чернышевского. Разбор его взглядов был целым событием в моей литературной деятельности».

У Чернышевского несомненно было очень много ценного, приближающего его к марксизму. Но это ценное сочетается у него с неверными, далекими от марксизма положениями. Плеханов же, хотя он и подверг специальному критическому разбору систему взглядов Чернышевского, не преодолел до конца некоторых феербахских сторон Чернышевского. И это обстоятельство отразилось на плехановской теории познания.

Чернышевский был самым решительным феербахянцем в своих философских воззрениях. Он сам говорил о себе, что он не имеет сказать ничего нового по сравнению с тем, что было уже в блестящей форме изложено Фейербахом. Антропологический материализм Фейербаха целиком воспроизводится Чернышевским.

При всем огромном значении, какое имеет в истории философии Фейербах, при всем том влиянии, которое он оказал на Маркса и Энгельса, необходимо подчеркнуть, что антропологический материализм Фейербаха еще отнюдь не есть диалектический материализм основоположников марксизма. Плеханов же недоучитывал качественного различия между Фейербахом и Марксом — Энгельсом. Для Плеханова Энгельс лишь «способствовал дальнейшему систематическому развитию взглядов Фейербаха»⁶. Для Плеханова «гносеология марксизма по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха, или, если хотите, она собственно и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки»⁷.

Гениальная «поправка» Маркса представлена у Плеханова не как кардинальное изменение всего того, что было у Фейербаха. Существенное, принципиальное различие между феербаховской и марксовской трактовкой проблемы субъекта и объекта у Плеханова исчезло. Для Фейербаха характерно натуралистическое, антропологическое понимание субъекта и объекта. Попытки выхода в общественность у Фейербаха находятся лишь в зародышевом состоянии. Когда мы говорим об общественности у Фейербаха, мы не столько говорим о самом Фейербахе, сколько о том, что увидел в Фейербахе Маркс. У Плеханова же мы не находим такого глубокого понимания Фейербаха, какое было у Маркса. Целиком пересказывая в ряде случаев Фейербаха, некритически относясь к нему, Плеханов вместе с тем нередко прямо отождествляет феербаховские положения с положениями марксизма.

Для Маркса феербаховское учение о субъекте и объекте было лишь некоторой необходимой предварительной ступенью. Маркс идет дальше, понимая под существом субъекта не только тело, не только физиологию, но и всю общественную деятельность человека как «персонализации определенного общества», как «представителя опреде-

⁶ Плеханов, Собр. соч., т. V, с. 30.

⁷ Там же, т. XVIII, с. 14.

ленного класса». Субъект для Маркса — это общественная категория, тогда как для Фейербаха и Чернышевского проблема субъекта и объекта имела внеисторическое натуралистическое содержание.

Великой заслугой Фейербаха было энергичное подчеркивание того положения, что «без объекта нет субъекта». Но совершенно неправильно попытка конкретизировать это положение исключительно на почве антропологии. Маркс берет у Фейербаха целиком и полностью его материализм, но отвергает конкретную характеристику материализма в духе антропологии, ибо в этом заключались ограниченность и узость феербаховского материализма. Ленин в своем конспекте феербаховских лекций о сущности религии замечает: «Узок термин Фейербаха и Чернышевского «антропологический принцип» в философии. И антропологический принцип, и натурализм суть лишь неточные слабые описания материализма»⁸.

Не в антропологии, не в биологии и не в физиологии, а в социальной истории марксизм устанавливает процесс субъективной деятельности людей, преобразующих внешний мир. Только на почве практической деятельности общественного человека можно дать подлинно марксистское понимание философского материализма.

Антропологизм Фейербаха сказывается в целом ряде произведений Плеханова. К теоретико-познавательному принципу Фейербаха и Чернышевского, к их взглядам на единство субъекта и объекта Плеханов прибегает на протяжении всей своей литературной деятельности. Знаменитое положение о том, что «я есмь я для меня самого и в то же время «ты» для другого» — положение, вскрываемое на почве антропологии и биологии — является для Плеханова одним из центральных положений в «Основных вопросах марксизма». Это же положение является базой в плехановской критике кантианства, в полемике с Конрадом Шмидтом и высшим критерием в письмах против Богданова.

В этой связи нужно отметить апологетическое отношение к Фейербаху т. Деборина, преданного ученика Плеханова-философа. Некритическое отношение к Фейербаху является одной из худших сторон философских взглядов Плеханова. Это худшее у Плеханова развивает, углубляет и продолжает Деборин. Решение проблемы субъекта и объекта вне исторической революционной практики является недиалектическим решением основного вопроса философии. Заявляя в своей насквозь апологетической работе «Людвиг Фейербах», что принцип Фейербаха «насквозь диалектичен» (с. 124), Деборин стирает существенное различие между марксизмом и феербахизмом в основном вопросе теории познания. В 1868 г. Маркс писал Энгельсу: «В Германии думают, что диалектика Гегеля — это «дохлая собака». В этом отношении много лежит на совести Фейербаха». По мнению же Деборина «диалектическим методом Фейербах пользовался мастерски. Можно сказать, что его мысль насквозь диалектична» (с. 125).

Вопреки той оценке, которую дал Фейербаху Маркс, Деборин, следуя Плеханову, превращает Фейербаха в диалектика.

В тесной связи с непониманием Плехановым теоретико-познавательного значения революционной «практически-критической» дея-

⁸ „XII Ленинский сборник“, с. 121 (подчеркнуто Лениным).

тельности общественного человека стоят ошибки Плеханова в вопросе о том, что такое опыт. Для Энгельса опыт, практика и промышленность являются почти синонимами. Являясь определенной стороной практической деятельности, опытная деятельность человека обуславливает познание «объектов познания, не зависящих от познания», как говорил Ленин. Плеханов же, в своем известном примечании и в предисловии к «Людвигу Фейербаху», поддавшись на удочку «эмпириокритики» Карстаньена по поводу различия между опытом «как предметом исследования» и опытом как «средством познания», обнаружил, по выражению Ленина, «одну сплошную путаницу» в этом вопросе. Ленин разъясняет: «Под словом «опыт» может скрываться и материалистическая и идеалистическая линия в философии, а равно и юмистская и кантианская, но ни определение опыта как предмета исследования, ни определение его как средства познания ничего еще не решают в этом отношении»⁹. Ничего не решает потому, что определение опыта как средства познания и как предмета исследования «остаются в пределах отвлеченного процесса мысли». И в той и в другой формулировке Плеханов не сближает понятие опыта с практической революционной деятельностью.

Натуралистическое понимание отношения субъекта к объекту, к которому склоняются Плеханов и Деборин, игнорирует качественно различные формы практики, различные формы отношения людей к предметам в различных общественных формациях. Социалистическая и капиталистическая практика, труд в условиях капитализма и в переходный к социализму период теряют свои специфические различия при этом гуманистическом или антропологическом подходе. Антропологический принцип оказывается совершенно беспомощным перед задачей объяснить новые формы труда, новые формы отношения человека к предмету. В противоположность капиталистическим отношениям труд становится у нас «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» (Сталин). «Труд становится первой жизненной потребностью, а не только средством к жизни» (Маркс).

Абстрактное антиисторическое разрешение основного вопроса философии (об отношении между субъектом и объектом), игнорирование значения революционной практики в философии и в политике коренятся в самой социальной природе меньшевизма. Антиисторизм — характерная черта буржуазной идеологии, теоретический продукт всех социально-экономических отношений капитализма. Антиисторизм в разрешении философских вопросов в отчетливой форме выступает в работах Бернштейна, в повороте от материалистической диалектики к Канту. Он же характеризует всю теоретическую продукцию Макса Адлера, Форлендера и других и находит особенно четкое выражение в отвлеченном натурализме Каутского. Антиисторизм в тактике меньшевиков характеризуется неумением понять различные этапы борьбы пролетариата в их необходимой связи с организацией победы пролетарской революции. Вместо учета конкретных условий диалектики общественного развития меньшевики оперируют общими абстрактными шаблонами. «Оппортунисты, — говорил Ленин, — ограничиваются применением ко всем случаям общего шаблона... Дума есть представительное учреждение, следовательно бойкот есть анархизм, и надо идти

⁹ Ленин, Собр. соч., т. XIII, с. 125.

в Думу. Таким детски простым силлогизмом исчерпывались всегда все рассуждения на эту тему наших меньшевиков¹⁰ и в особенности Плеханова¹⁰.

Диалектическая методология в тактике заменяется у Плеханова формально-логическим доктринерством, конкретному историзму противопоставляются отвлеченные антиисторические схемы. «Резолюция меньшевиков о значении представительных учреждений, — продолжает Ленин, — ... чрезвычайно рельефно показывает этот шаблонный, антиисторический характер их рассуждений. Наоборот революционные с.-д. центр тяжести вопроса переносит именно на внимательный учет конкретной политической ситуации».

Ленин неоднократно подчеркивал неразрывную связь между логикой и всемирноисторической практикой и показывал взаимную обусловленность между решением проблемы субъекта и объекта и всей методологией марксизма в целом. Вопрос о том, как относится субъект к объекту, как отражается материальный мир в процессе мышления, перерастает в проблему логических категорий материалистической диалектики. В практике субъективная деятельность переходит в объективную. «Истина, — говорит Ленин, — есть процесс от субъективной идеи человека к объективной истине». Это положение Ленин выдвигает на основе связи логики с практикой: «От субъективной идеи человек идет к объективной истине через практику».

Материализм Фейербаха и Чернышевского, оказавший большое влияние на Плеханова, делал невозможным такую постановку вопроса о критерии познания, какая требуется диалектической логикой. Прежде всего антропологический принцип ставил проблему познания в плоскости отвлеченно-сенсуалистической точки зрения. Несмотря на целый ряд замечательных высказываний Фейербаха о соотношении чувственного и рационального, общая тенденция его антропологизма привела его к абстрактно-чувственной точке зрения созерцательного материализма. А с этой точки зрения нам доступно только то, что существует непосредственно и дано в нашей чувственности. Нашему познанию доступны лишь свойства предмета, а не его внутренняя сущность. К этой точке зрения склонялись почти все те материалисты, которые придерживались антропологической трактовки вопросов теории познания: например Гольбах, Робинзэ, Ламеттри. Ограничение познания познанием свойств предмета мы имеем и у Чернышевского, отождествляющего качества со свойствами.

Такую же тенденцию обнаруживает в некоторых местах и Плеханов, хотя он и возражает Гольбаху, говорившему, что «нам неизвестны ни сущность, ни истинная природа материи». Так, Плеханов пишет: «У Ламеттри мы встречаем интересные замечания о том, что мы можем познать некоторые совершенно относительные свойства внешних вещей. Надо помнить, что слово «познать вещь» не имеет никакого другого смысла. Узнать данную вещь — это значит узнать ее свойства. А что такое свойства вещи? Это такой способ, которым она на меня действует непосредственно или непосредственно»¹¹.

Согласно диалектическому материализму познание вещи не ог-

¹⁰ Ленин, Собр. соч., т. X, с. 26 («О бойкоте»).

¹¹ Плеханов, Собр., соч. т. XI, с. 19.

раничивается познанием свойств ее. В своем «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин указывает (против Богданова) на необходимость познания сущности предмета. Ленин критикует Богданова за то, что для него условность всякой идеологии была несовместима с познанием сущности вещей.

Плеханов, склоняясь к созерцательному материализму и недоучитывая значения социально-исторической практики для разрешения вопросов теории познания, не дает четкой постановки вопроса о познании объективной сущности вещей, о приближении наших знаний к абсолютной истине.

Если мы возьмем с этой точки зрения ошибку Плеханова по вопросу об «иероглифах», то тот дуализм, который у него получается между предметом и познанием, не покажется нам случайным. Конечно между учением метафизического материализма о познании одних лишь свойств предмета и теорией иероглифов имеется существенное различие. Для созерцательного материализма познаваемые действительные свойства объекта, для теории иероглифов ощущения и представления человека суть лишь «условные знаки», символы» и т. п. Но связь этой теории с неправильным решением проблемы субъекта и объекта не случайна. Необходимо отметить недостаточную критику, которая давалась иероглифической теории Плеханова на прошлом этапе нашего философского развития.

Все отмеченные нами недостатки и ошибки Плеханова-философа объясняют нам, почему он не понял того важнейшего положения, что «диалектика и есть теория познания марксизма» (Ленин). Выдвигая это свое положение, Ленин возражал по двум линиям. С одной стороны, он бил по Богданову, для которого существовала альтернатива — или общественная история, или теория, вскрывающая сущность процессов общественного развития. По Ленину логика как теория познания является обобщением всей истории мышления и всей истории общественной практики. С другой стороны, эта точка зрения противопоставлялась сведению диалектики к сумме примеров, т. е. тому, что имело место в философии Плеханова. Плеханов не стоял перед рядом проблем (проблема абсолютной и относительной истины, проблема теории отражения), которые с необходимостью ведут к той точке зрения, которую дает Ленин в своей формулировке единства логики, диалектики и теории познания.

Натуралистический материализм, к которому склонялся Плеханов, уводил его от задачи разработки теории материалистической диалектики. Ленин пишет: «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь и *l'âme* отвергает их рассуждения, а не исправляет... эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий... Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-Фейербаховски (и по-Бюхнеровски), чем по гегелевски»¹².

Но что значит «показать связь и переходы всех понятий»? Это значит понять теорию мышления как теорию, раскрывающую объек-

¹² „IX Ленинский сборник“, с. 197 — 199.

тивные диалектические связи внешнего мира, это значит понять теорию познания как логику и диалектику.

В связи с этим очень интересно посмотреть, как рассматривается вопрос о субъекте в логике у Плеханова и Ленина. У Ленина оценка субъективности в логике дается в плане единства познания и объективного реального процесса. Поэтому характеристика субъективности включает у Ленина объективность самой логики. Ленин пишет: «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»¹³. Ленин определяет процесс познания, исходя из конкретно-исторической диалектики субъекта и объекта, из практики, в которой субъективное и объективное взаимопроникают друг друга. Субъективное, абстрактное и конкретное в логическом процессе выступают в единстве. «Абстрактное и конкретное, — говорит Ленин, — единство противоположностей».

К этой точке зрения не мог подойти Плеханов потому, что такая характеристика была одновременно и логической и исторической, опираясь на непосредственную связь теории с революционной практикой. И вот мы видим, что у Плеханова процесс познания получает не историческую и не логическую, а скорее субъективно-психологическую трактовку. Если у Ленина знание, понятие, идея представляли собою определенную форму исторической и логической диалектики субъекта и объекта, то у Плеханова «знание как и ощущение всегда субъективны» (т. XVIII, с. 115), потому что «процесс познания есть не что иное как процесс возникновения известных представлений в субъекте» (там же).

Конечно психология не игнорируется марксистской логикой, конечно она включается определенным образом в логику, но психологией не должна исчерпываться характеристика проблем теории познания. Для марксистской логики процесс познания есть процесс раскрытия объективной истины. Но чтобы надлежащим образом понять это, необходимо учесть связь проблемы истины с процессом исторического развития. Ленин пишет: «Истина есть процесс. От субъективной идеи человек идет к объективной истине через практику и технику»¹⁴.

Самую «субъективность» Ленин понимает, как «стремление уничтожить отделение идеи от объекта»¹⁵. Субъективность мысли берется как процесс, раскрывающий объективные закономерности самой действительности, объективную диалектику вещей. Отсюда и становится совершенно понятным ленинское положение о том, что диалектика есть теория познания марксизма.

У Плеханова же диалектика рассматривается отдельно от теории познания. Теория познания для Плеханова в целом ряде пунктов в значительной степени совпадает с психологией.

Учения Плеханова, Аксельрод, идет в этом отношении еще дальше и полностью отождествляет теорию познания с психологией (против ленинского понимания теории познания как логики, диалектики, методологии). «Психология без души, — говорит Аксельрод о Лок-

¹³ IX Ленинский сборник*, с. 249.

¹⁴ Там же, с. 237.

¹⁵ Там же, с. 224.

ке, — означает в его системе научное мышление без всяких метафизических предпосылок и примесей. Гносеология совпадает у него с психологией в обширном значении понятия последней. Но несмотря на такую правильную научную постановку задачи и начатки ее разрешения, выразившиеся прежде всего в критике врожденных идей, Локк не мог разрешить ее при условиях научной мысли его эпохи»¹⁶.

Уже в статье т. Митина указывалось, что у Плеханова был разрыв между теорией познания и диалектикой, которые у него соединились простым знаком «плюс». Характерно в этом отношении суждение Плеханова о Фейербахе: «Я защищаю все его (Фейербаха) философские взгляды кроме взглядов на диалектику». Плеханов не понимал того, что теория познания не составляет особого круга вопросов, отличных от диалектики; не понимал того, что только на почве диалектической методологии можно дать действительное разрешение проблеме познания как проблеме отражения реальных объективных закономерностей. Поэтому Плеханов не в состоянии представить категории мышления как определенные ступени познания, раскрывающие объективную сущность вещей. Тем самым он закрывает себе путь к пониманию диалектики как философской науки. Диалектика приобретает у него характер разрозненной суммы примеров, наглядных иллюстраций. У Плеханова нет того стержня, который бы выявлял внутреннюю связь между отдельными законами диалектики.

Почему Плеханов не доходит до ленинского понимания диалектики? Опять таки потому, что меньшевистская тактика, формализм и антиинтеримизм логики оппортунизма, фейербахианство и субъективистские ошибки, идущие в значительной мере от Канта, привели Плеханова к разрыву диалектики и теории познания. Для Плеханова осталось неясным основное условие познания всех процессов мира в их спонтанном движении, в их живой жизни: закон единства противоположностей. Для Плеханова осталась неясной диалектика как теория изучения единства противоположностей, как теория изучения самой сущности вещей.

У нас были попытки полностью отождествить гегелевское понимание сущности с марксистским. Это, конечно, совершенно неправильно. В марксизме проблема сущности выступает как проблема единства противоположностей. При таком понимании и проблема сущности выступает во всех категориях диалектической логики. У Ленина мы читаем: «Вкратце диалектику можно определить как учение об единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики...»¹⁷.

Не дойдя до понимания диалектики как теории познания, Плеханов не мог оценить центрального значения закона единства противоположностей как «закона познания и закона объективного мира» (Ленин). Если в отдельных местах он и пытается выйти за пределы простого констатирования диалектики определенных процессов, то эти попытки все же остаются у него разрозненными, не связанными друг с другом и недостаточными по существу.

Поэтому и получилось, что Плеханов не мог разработать науку диалектической логики. «Плеханов, — говорит Ленин, — написал о философии (диалектике) вероятно до тысячи страниц... Из них о «Боль-

¹⁶ Д. Рахман, Джон Локк, с предисловием Л. И. Аксельрод, 1924, с. 6.

¹⁷ „IX Ленинский сборник“, с. 227.

шой логике», по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика как философская наука) ничего»¹⁸.

Практика меньшевизма находилась в прямой противоположности с задачами разработки материалистической диалектики. Политическая практика меньшевизма сводила диалектику к сумме примеров. Ленин отмечает это обстоятельство уже на весьма раннем этапе борьбы с меньшевизмом—в 1904 г. В своей работе «Шаг вперед, два шага назад» Ленин пишет: «Нельзя без смеха читать великолепные и гордые заявления т. Плеханова..., что его не поняли вследствие новизны его мыслей, вследствие незнакомства с диалектикой»¹⁹.

Основной недостаток философии Плеханова заключается в непонимании диалектики как методологии познания конкретной действительности. Диалектика приобретает у Плеханова отвлеченный характер. «Абстрактные общие положения» иллюстрируются «суммой примеров, суммой намеков».

В противоположность Плеханову у Ленина уже в 1904 г. складывался взгляд на диалектику как на воспроизведение путем мышления конкретных противоречий самого предмета.

«Беда т. Плеханова,— писал Ленин,— состояла в том, что он пустил в обращение... сумму намеков... Тов. Плеханов впал в эту беду потому, что нарушил основное положение столь неудачно понятой им диалектики: отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна»²⁰.

Таким образом уже в 1904 г. Ленин упрекает Плеханова в сведении диалектики к сумме намеков, к сумме примеров. То, что Ленин впоследствии сформулировал в своем знаменитом фрагменте «К вопросу о диалектике», было обусловлено всей его критикой меньшевистской политической тактики Плеханова.

Наивным и немарксистским был бы взгляд, что Ленин подошел к уяснению недостатков плехановской диалектики только в 1914 г., после чтения Гегеля. Ленин не вычитывал у Гегеля ошибок и общих недостатков теории познания Плеханова. Он вскрывал их на протяжении всей своей борьбы с меньшевизмом. То обстоятельство, что в 1908 г. в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин не так остро ставил вопрос о плехановских ошибках, как в 1914—1915 гг., обусловлено не чтением Гегеля, а тем, что в 1914—1915 гг. у большевиков складывалось иное отношение к меньшевикам и в частности к Плеханову. Только исходя из политической борьбы, из задач нашей партии на определенных этапах, можно подойти к уяснению ленинской критики Плеханова. Критика меньшевистской тактики, критика ошибок Плеханова в философии углублялась по мере дальнейшего превращения меньшевизма в придаток буржуазии. Специальная работа, предпринятая Лениным в 1914 г. над теорией материалистической диалектики, дала ему повод сформулировать проверенные всем развитием пролетарского движения общие недостатки философии Плеханова.

Тактика меньшевизма не давала возможности поставить проблему диалектики как теории познания. Идеология меньшевизма кромсала и извращала философские взгляды Плеханова.

¹⁸ XII Ленинский сборник, с. 223—225.

¹⁹ Ленин, Собр. соч., т. VI, с. 292.

²⁰ Там же, с. 292—293.

В своей статье: «Последнее слово искровской тактики» (октябрь 1905 г.) Ленин писал о меньшевистском лозунге «революционное самоуправление народа»: «В этом лозунге, или вернее в превращении его в центральный лозунг, корень всех шатаний «Искры». Защищать этот лозунг «Искра» пробовала ссылкой на «диалектику», ту самую плехановскую диалектику, благодаря которой «организационные туманности» «Искры» были сначала защищаемы, а потом изобличаемы Плехановым. Революционное самоуправление народа не пролог восстания..., а эпилог. Без победы восстания нельзя и говорить серьезно о настоящем и полном самоуправлении». ²¹

Для меньшевистской политической тактики этого периода характерна попытка представить общественный процесс как нечто чисто стихийное. Различные этапы этого процесса рассматриваются меньшевизмом не в их единстве, но в обособленности друг от друга. Не учитывается конечная цель, стоящая перед рабочим движением. Плехановское понимание диалектики отразило эту меньшевистскую тактику сведением диалектического процесса к ряду отдельных, разрозненных его сторон, к ряду отдельных примеров диалектики. Не понимая внутренней диалектической закономерности общественного процесса, меньшевик не может поставить вопроса о логической последовательности категорий диалектики. Задаче раскрытия внутренних закономерностей диалектического процесса противопоставлялась теория запутанного стихийного процесса. Логике классовой борьбы пролетариата, партийной действенности противопоставлялась тактика приспособления к стихийности существующего экономического развития.

«Искра», — писал Ленин, — пыталась защитить путаницу своих сознательных лозунгов ссылкой на «диалектику» бессознательного стихийного процесса. Жизнь-де не знает резких границ... Пролог и эпилог в диалектическом процессе развития нередко-де переплетаются. Это последнее совершенно справедливо. Да, процесс действительного развития всегда идет запутано, высовывая кусочки эпилога раньше настоящего пролога! Но значит ли это, что вождю сознательной партии позволительно запутывать задачи борьбы, позволительно смешивать пролог с эпилогом? Может ли диалектика запутанного стихийного процесса оправдывать путаницу в логике сознательных социал-демократов? Не значит ли это подменять диалектику в смысле Маркса диалектикой в смысле Плеханова?» ²²

В одном докладе нельзя исчерпать всех вопросов, связанных с философскими взглядами Плеханова. Я не ставлю перед собой задачу осветить очень большой и вполне назревший вопрос о спинозизме у Плеханова. Надо сказать, что также и в этом вопросе худшие стороны Плеханова дали себя чувствовать в прежней работе философского руководства.

Я хочу коснуться еще двух вопросов: вопроса об отношении Плеханова к естествознанию и вопроса о формализме у Плеханова.

Давая сбивчивую характеристику проблеме сущности, Плеханов не мог правильно подойти к проблеме качества и количества, не мог в связи с этим сказать чего-либо существенного по вопросу о кри-

²¹ Ленин, Собр. соч., т. VIII, с. 307. (подчеркнуто Лениным).

²² Там же, с. 307.

эссе в современном ему естествознании. Не понимая диалектики как философской науки, Плеханов не владел тем критерием, который позволил бы ему дать надлежащую оценку теориям буржуазных естествоиспытателей. В меньшевистской идеологии и в непонимании теории диалектики коренится капитулянтство Плеханова перед отрицательными тенденциями современного ему естествознания.

В своем 7-м примечании к книге Энгельса «Людвиг Фейербах» Плеханов пишет: «Химия и биология в конце концов сведутся вероятно к молекулярной механике». Это положение выставляется Плехановым против Энгельса, который, исходя из диалектического понимания категории качества, устанавливает принципиальную невозможность сведения химии к механике. Плеханов некритически воспринимает здесь механистическую тенденцию современного ему естествознания. Механисты и в частности т. Степанов руками и ногами ухватились за эту «поправку» Плеханова. Возражая Степанову, Деборин в основном совершенно правильно писал: «Поправка Г. В. Плеханова неудовлетворительна. И вот почему. Вопрос о возможности «сведения» химии и биологии к механическим законам есть вопрос принципиальный. Его методологическая постановка и разрешение не могут находиться в зависимости от того, достигнуто ли уже или не достигнуто еще практически такое «сведение»²³. Повторяя мысль т. Митина, нужно сказать, что борьба с механистической опасностью была частичным преодолением ошибок Плеханова. Однако необходимо отметить, что, признавая эту ошибку случайной для Плеханова, Деборин тем самым отказывается от того, чтобы вскрыть социальную и логическую обусловленность плехановского примечания к Энгельсу.

Совсем иначе подошел к современному естествознанию Ленин. Ленин раскрыл диалектический характер кризиса современного естествознания, установил соотношение между диалектическим материализмом и физическими теориями о строении материи, указал пути выхода из кризиса и дальнейшего развития науки. «Не кто иной как Ленин,— говорит т. Сталин,— взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного—из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной как Ленин в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи»²⁴.

Сводя диалектику к сумме примеров, Плеханов не мог дать исчерпывающей критики формальной логики. Ибо условиями критики формальной логики являются понимание диалектики как теории познания, понимание логических категорий как степеней познания объективной действительности, понимание единства противоположностей как основного закона познания и объективного мира.

²³ Деборин, Диалектика и естествознание, с. 70.

²⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 2-е, «ДБГ» с. 20.

Плехановская критика формальной логики в свете ленинского философского наследства представляется недостаточной. Для Плеханова категории тождества, противоречия и основания не являются ступенями познания противоречий, включенных в сущности самого предмета. Разбор законов формальной логики Плеханов ограничивает вопросом о принадлежности предмету определенных свойств. «На каждый определенный вопрос о принадлежности данному предмету данного свойства,— говорит Плеханов,— надо отвечать или да, или нет. Это не подлежит сомнению. Но как прикажете отвечать в том случае, когда предмет изменится, когда он уже утрачивает данное свойство или пока еще только приобретает его. Само собою разумеется... что определенным ответом будет здесь только ответ, построенный по формуле: да — нет, нет — да»²⁵.

Вопрос о взаимоотношении формальной и диалектической логики решается Плехановым в плоскости изменчивости или неизменности определенных свойств предмета на почве внешних форм проявления процесса. Такое решение вопроса недостаточно, а потому неправильно. Изменчивость и относительная неизменность свойств находят свое объяснение в сущности процесса, внешнее находит свое объяснение во внутреннем, является формой появления внутренних противоречий процесса. Тождественность, постоянство, устойчивость определенного свойства, а равно и его изменение и возникновение нового свойства не могут быть рассматриваемы вне их зависимости от тождества и противоречий в самой сущности процесса, от единства противоположностей, имманентного данному предмету.

Плехановская же критика формальной логики основана не на всестороннем развитии закона единства противоположностей, а на принципе: познать предмет — значит познать его свойства. Для Ленина положительное разрешение проблемы устойчивости неразрывно связано с разработкой категорий материалистической диалектики. Плеханову же казалось, что диалектика неспособна разрешить вопрос об устойчивости вещи. Там, где имеет место устойчивость, «царствует», по мнению Плеханова, «любезная г. Бернштейну формула: да — да и нет — нет». Если же дело идет об изменчивости, то применяется диалектика.

В действительности подлинное разрешение проблемы устойчивости может дать только диалектическая логика в таких категориях, как категория определенности вещи, качественности процесса, структуры предмета и т. д. Диалектическая логика раскрывает момент устойчивости, понимая ее из внутренних противоречий самих вещей, из характера самой изменчивой природы процесса. Этого как раз недоучитывает Плеханов, говоря, что здесь «царствует любезная г. Бернштейну формула: да — да и нет — нет». Плеханов совершенно прав, когда говорит, что формальная логика относится к диалектике, как покой относится к движению. Но Плеханов допускает ошибку, понимая покой как покой в буквальном смысле этого слова и отводя покою особое царство метафизических способов мышления. Дело в том, что когда мы выставляем определенные положения (да — да, нет — нет, или — или), то эти положения не основываются на фор-

²⁵ Плеханов, Предисловие к русскому переводу „Л. Фейербаха“ Энгельса, с. 14.

мально-логическом способе мышления. «Или — или», «кто — кого» и т. д. — вовсе не формально-логические категории. Формула «да — да, нет — нет» может быть правильно понята только в свете диалектической логики и не может быть конкретно понята при метафизическом способе мышления. Ленинское «или — или» накануне пролетарской революции было обосновано всей конкретной совокупностью общественных отношений в России, самой природой Февральской революции. Точно так же ленинская формулировка «кто кого» определяется всем существом переходного периода.

Вооруженная диалектической логикой большевистская революционная практика обнаружила полную беспомощность того примиренчества к формальной логике, которое проявлялось в политической методологии меньшевиков, и той отвлеченной формально-логической дедукции в меньшевистской методологии, которая стремится чисто умозрительным путем получить из общих положений ряд выводов.

Для логики диалектического материализма принципиально неприемлема теория отвлеченных силлогизмов. Диалектико-материалистическая логика раскрывает и воспроизводит конкретную совокупность противоречий самой действительности.

Для политической же методологии меньшевизма как раз характерна теория простого логического развития общей истины. Эта черта меньшевистской методологии отмечается Лениным в предисловии ко 2-му изданию «Развития капитализма в России». Ленин пишет: «Способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом».

Теория простой логической дедукции из общей истины глубоко отличается от логики диалектического материализма своим подходом к вопросу об абстрактном и конкретном. Вместо воспроизведения конкретного процесса в мышлении при помощи научных абстракций, в теории отвлеченной дедукции выступает формально-логическое выведение одной абстракции из другой.

Рассуждения меньшевиков и Плеханова о характере революции 1905—1907 гг. представляют ряд формалистических выводов и обнаруживают полную неспособность вскрыть конкретные противоречия общественного развития. Революция буржуазна, рассуждали меньшевики, следовательно основной задачей социал-демократии является непосредственная поддержка буржуазных партий. Это насквозь формалистическое рассуждение ничего общего не имеет с методологией диалектического материализма. «Если, — говорил Ленин, — наша революция буржуазна по своему экономическому содержанию (это несомненно), то отсюда нельзя делать вывода о руководящей роли буржуазии в нашей революции, о буржуазии как движущей силе ее. Такой вывод, обычный у Плеханова и меньшевиков, есть опошление марксизма, карикатура на марксизм»²⁶.

Нужно отметить, что антимарксистский формалистический уклон, проявившийся в работах ряда товарищей: Деборина, Карева,

Гонимана и других, представляет собою форму просачивания меньшевистской идеологии в философию.

Ленин вскрыл совокупность ошибок в марксистской философии Плеханова. Эти ошибки по своему теоретическому содержанию сближаются с философией современной социал-демократии, с философией Макса Адлера, Форлендера, Каутского. Эти ошибки воспроизведены формалистическим уклоном и механистической ревизией марксизма.

Однако, несмотря на всю серьезность философских ошибок Плеханова и их тесную связь с его политическими ошибками, нельзя забывать о высокой ценности философских работ Плеханова для марксизма. Работы Плеханова против народников, кантианцев и Богданова направлены на защиту ортодоксального марксизма и являются классическими произведениями марксистской литературы. Они сыграли огромную роль при организации марксистской партии в России. Ленин, давший резкую принципиальную критику ошибок Плеханова, вместе с тем указывал, что «нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма». Это лучшее в международной литературе марксизма должно быть изучено в непосредственной связи с ленинской критикой ошибок Плеханова.

Философское наследие Плеханова является наглядным доказательством того, что ортодоксальный марксизм несовместим с оппортунистической политикой. Философские работы Плеханова показывают нам, как правильные, марксистские положения вступают в противоречие с меньшевистской политикой, как они искажаются и извращаются, вследствие этого. Практическая измена пролетарской революции, антиисторизм в политической тактике меньшевизма находят свое выражение в недостаточном понимании Плехановым революционной практической деятельности. Формализм политической методологии меньшевизма проявляется в кантианских ошибках Плеханова, в непонимании диалектики как теории познания марксизма. При изучении философских произведений Плеханова это обстоятельство должно быть взято за основу на ленинском этапе философии диалектического материализма, когда единство философии и большевистской политики становится критерием работы над диалектическим материализмом.

Прения по докладу

В. Дитякин. Доклад т. Кучерова безусловно представляет собою значительный интерес в нашей работе на философском фронте в первую очередь потому, что в нем почти впервые проблема гносеологического порядка поставлена не так схематично, абстрактно и совершенно безжизненно, как ставили ее на прошлом этапе нашего философского развития; проблема эта в докладе дана в строго политической, я сказал бы, партийной постановке. И действительно поставленную проблему нельзя рассматривать иначе, не обратившись к анализу борьбы между большевистским и меньшевистским крылом РСДРП, это — единственная установка, которая дает нам эту проблему во всей ее широте. Второе правильное положение доклада заключа-

ется в том, что Ленин не был и не мог быть — это важно подчеркнуть — в философии учеником Плеханова. Мы знаем, что Ленин представляет собой крупнейшую философскую фигуру, что он представляет собой мыслителя, не просто воспринявшего то, что было дано Марксом и Энгельсом, но продвинувшего вперед с большим умением и с большой оригинальностью полученное им философское наследство. Нам надо подойти шире и глубже к систематическому изучению Ленина, чего «деборинская» группа не могла и не хотела сделать.

Тов. Кучеров правильно начинает свой анализ с первой крупной работы Ленина «Что такое «друзья народа», но недостаточно разрабатывает имеющиеся в этой работе указания Ленина, который в своем изложении диалектического метода не только цитирует Маркса, но и привносит целый ряд положений, развивающих марксову диалектику; кроме указанной т. Кучеровым блестящей формулировки теории отражения, Ленин здесь подчеркивает глубоко революционный характер, партийность диалектики. Изложение т. Кучерова должно быть еще дополнено для убедительного показа того, каким образом еще до того момента, когда диалектика из теоретического орудия должна была превратиться в мощное орудие борьбы за пролетарскую партию, еще до этого времени Лениным уже было построено развернутое учение о диалектике.

Следующее основное положение доклада, трактующее о сущности меньшевистской концепции, о меньшевистском понимании опыта и практики, об их антиисторизме, безусловно правильно, но данную характеристику нужно будет развить, показав, каким образом это антиисторическое, неревolutionное отношение к опыту изменялось в связи с развитием меньшевизма, с его превращением из одной из форм организаций рабочей партии в буржуазную партию. Здесь уместно будет привести некоторые выводы приготовленной мною еще два года тому назад работы об отношении большевиков и меньшевиков к диалектике и в частности к Марксу и Энгельсу, выводы, показывающие, что антиисторизм Плеханова по существу был глубочайшим образом связан с систематическим извращением Маркса.

В изложении генеалогии философских взглядов Плеханова, эволюции их, в докладе имеются некоторые неясности, неточности, противоречия — их надо выправить. В частности надо было показать хотя бы на одном примере, как Плеханов и Ленин разрешали одну и ту же проблему, как например в их критике Струве Ленин уже ту пору в философском отношении стоял неизмеримо выше Плеханова.

В одном очень важном пункте доклада — причины непонимания Плехановым диалектики во всей ее полноте — т. Кучеров дает объяснение, склоняющееся к субъективистскому, этот же субъективизм проскальзывает и в объяснении взаимоотношений Плеханова и Фейербаха. Данную в начале доклада хорошую установку надо было продолжать и здесь, надо было показать, что основное положение диалектики не было понято Плехановым, было ему всегда чуждо именно потому, что он становился методологом меньшевизма, для политической практики которого характерен отрыв от настоящего подлинного революционного рабочего движения.

В вопросе о Фейербахе докладчик правильно критикует ошибочность «деборинского» понимания взаимоотношений Фейербах — Маркс, но вместе с тем в другом месте (см. с. 19 стенограммы) сам докладчик начинает окрашивать Фейербаха под Маркса. Нужно было тщательнее проработать ленинские указания о Фейербахе, и тогда станет совершенно ясно, что наиболее ценное в Фейербахе, что в переработанном виде вошло в систему диалектического материализма, Плехановым взято не было. Такого рода замечание в докладе есть, но его надо было развить, и получилась бы более сложная, чем данная в докладе, картина: не просто «Фейербах ради Плеханова», а «Фейербах недопонятый, Фейербах искаженный ради Плеханова». Ведь то же самое мы имеем и в отношении Плеханова к Гегелю; правильно сделанное вами указание на пристрастие Плеханова к оперированию с общими дефинициями не объясняет причин этого «пристрастия», а они ясны: из Гегеля, но опять-таки недопонятого, неправильно понятого в этом моменте Гегеля вырос Плеханов как философ общих дефиниций. Здесь я ставлю еще один вопрос — в какой степени правильно Плеханов понимал самого Маркса, и этот вопрос важен потому, что мы знаем, что Ленин исходит из Маркса и Энгельса, а Плеханов испытывает на себе влияние Фейербаха, взятого через Чернышевского, затем влияние Гегеля и наконец, влияние Маркса. Есть основание думать, что и тот, и другой и третий взяты были Плехановым недостаточно правильно.

Я считаю нужным отметить еще один ценный момент в докладе т. Кучерова, — момент, ставящий еще одну интересную проблему. Обычно считается, что типичной философией оппортунизма конца XIX — нач. XX вв. является идеализм различного сорта; т. Кучеров же показывает в своем докладе, что уже и в это время материализм мог быть в философии оппортунизма. Интересно выяснить, почему Фейербах был так близок Плеханову, дело здесь конечно не в личной истории Плеханова, письма его в этом отношении мало доказательны, и опираться только на них методологически было бы неправильно. Я выдвигаю другое объяснение, выдвигаю его только как гипотезу, что Фейербах мог быть ближе к Плеханову потому, что в их общих политических установках были элементы большого родства. Позиция Плеханова, его отношение к омередным задачам рабочего движения в России перед и во время революции 1905 г. имеют элементы близкие к позиции, занимаемой Фейербахом перед и в революции 1848 г. Всем хорошо известно, как резко отлична была от плехановской позиция Ленина перед 1905 г., и можно допустить, что в сравнении с ней позиция радикально буржуазного философа-материалиста, как Фейербах, его склад мысли, его метод понимания общественных явлений мог быть ближе Плеханову. Идейное родство Плеханова с Фейербахом есть, по сути дела, идейное сродство русского оппортунизма в его меньшевистской форме с левым крылом героической эпохи буржуазно-демократического движения. Но понятно, что эту проблему надо разработать с тщательным учетом всех особенностей, специфичностей разбираемых исторических эпох.

Остаются замечания меньшего порядка вроде того, что «идея меньшевизма кромсала, извращала все философские взгляды Плеха-

нова» — это положение должно быть уточнено. Далее не слишком ли преувеличивает докладчик влияние Чернышевского на Плеханова, и здесь и к этому вопросу надо было бы подойти диалектично.

В целом, как я сказал и вначале, доклад т. Кучерова, переработанный для печати, отшлифованный, избавленный от ряда мелких неточностей и дополненный в основных пунктах его, безусловно представляет собою большой интерес и ценность в разработке актуальнейшей темы «Ленин и Плеханов».

Бобровников. Я считаю, что т. Дитякин неправильно поставил вопрос о том, что Плеханов идейно и политически ближе стоит к Фейербаху и Чернышевскому, чем к Марксу; Плеханов был марксистом. От Фейербаха и Чернышевского Плеханова отделяет то, что он был последователем Маркса, может быть не совсем последовательным последователем, но так или иначе он был учеником Маркса.

Тов. Дитякин сказал, что он историк. В таком случае он должен знать, что Маркс даже в период своего увлечения Фейербахом все же стоял выше Фейербаха в том отношении, что он связывал философию с живой активной политической действительностью. Тогда как Фейербах был «абстрактным» философом.

Теперь, обращаясь к докладу т. Кучерова, я должен сказать, что основное достоинство этого доклада в его основной установке, а именно: он попытался связать философские ошибки Плеханова в области теории познания с его политическим оппортунизмом. Помоему это та постановка вопроса, которая обеспечивает в общем и целом правильный анализ всех слабых и ошибочных мест у Плеханова. В самом деле, оппортунизм Плеханова — это не отдельный и не случайный эпизод его жизни. Оппортунизм Плеханова — это основная политическая линия у Плеханова. Такой оппортунизм не мог не быть связан с ошибками в области методологии.

Я останюсь прежде всего на широко известной ошибке Плеханова, на теории иероглифов. Сам Плеханов считал, что здесь у него была ошибка только терминологического характера.

Не раз указывалось, что это не так; указывалось, что существо ошибки Плеханова состоит в неправильном понимании теоретико-познавательной проблемы. Если бы Плеханов даже не употреблял этой терминологии иероглифов, то и тогда его теория в основном страдала бы крупными недостатками. Можно прямо сказать, что и тогда его ошибки не уменьшились бы. В самом деле, если просмотреть те статьи, где он употреблял впервые слово «иероглифы», и те статьи, которые он писал после того, как отказался от этой терминологии, то мы увидим, что понимание вопроса у него не изменилось. Как в статьях против Конрада Шмидта, где он впервые употреблял термин «иероглифы», так и после этого, например в статье «Трусливый идеализм», он развивает теорию «соответствия». Понятия только соответствуют, но не отражают вещей, как они существуют сами по себе. Эта теория соответствия легла также в основание психо-физического параллелизма у Плеханова, исходя из которой Плеханов взял под защиту неоламарклизм (см. «Основные вопросы марксизма»).

Теория соответствия между понятием и предметом, теория соответствия между психическим процессом и физиологическим про-

цессом есть крупная уступка идеализму. Только в этом контексте и понятно сочувственное отношение Плеханова к неоламаркизму.

Таким образом теория познания Плеханова не является последовательной марксистской теорией; в ней есть элемент субъективизма. Здесь я должен указать на один момент в докладе т. Кучерова, с которым я не согласен. Тов. Кучеров, очевидно желая оттенить этот субъективизм в теории познания Плеханова, сказал, что теория познания Плеханова является психологизированной теорией, что она отрицает моменты логические, что она стоит на точке зрения алогизма.

Ленин неоднократно указывал, что попытка кантианцев представить процесс познания как процесс логический, не имеющий ничего общего с психологией, с переживаниями или имеющий с ними общее только то, что он находится с ними в связи внешним образом, что это чисто идеологическая установка и против этого нужно решительно возражать. Ленин подчеркивает, что логический процесс познания — это есть психическое переживание, но только особого рода психическое переживание.

Поэтому мне не понравилось употребление не нашей терминологии, которое имело место в докладе т. Кучерова.

Товарищи, если мы констатируем момент субъективности в теории познания Плеханова, то нужно иметь в виду, что это вытекает из основной предпосылки его теории познания. В самом деле Плеханов считает, что основной проблемой теории познания является проблема отношения субъекта к объекту. Спрашивается, как же эта основная предпосылка теории познания Плехановым разрешается. Вы вероятно все помните из его книжки «Основные вопросы марксизма» указание, что разрешение этого вопроса марксизм берет у Фейербаха, делая маленькую, но гениальную поправку об активном отношении субъекта к объекту.

Сам Фейербах охарактеризовал свою точку зрения как «гуманистическую». Плеханов, чувствуя неловкость такой терминологии, доказывал, что когда Фейербах исходным пунктом теории познания берет человека как материальное и чувствующее существо, то здесь дело идет только о методологическом, как бы условном исходном пункте. Эта физиологическая точка зрения на единство субъекта и объекта, воспринятая Плехановым у Фейербаха (и несомненно воспринятая Плехановым не критически), ведет к ошибкам субъективистского и кантианского свойства. Маркс дал блестящую критику «гуманистической» точки зрения Фейербаха и вместо последней выдвинул практику как основу и критерий познания.

Маркс считал, что единство субъекта и объекта достигается в практике. Если объект и субъект есть два фактора познания, то единство их достигается в способе их соединения, в способе их взаимоотношения — есть практика. В практике субъект устанавливает свое единство с объектом. В практике субъект является взаимодействующим с объектом, в практике субъект познает сущность объекта.

Чтобы этот вопрос стал еще более ясным, я зачитаю одну цитату из Маркса: «Ошибки Фейербаха заключаются не в том, что он подчиняет лежащую под носом чувственную видимость чувственной действительности, устанавливаемой благодаря более точному из-

учению чувственных фактов, а в том, что в конечном счете он не может подойти к чувственности без «глаз», т. е. без «очков» философа»²⁷.

Фейербах, который считает, что единство субъекта и объекта достигается посредством чувственности именно благодаря тому, что субъект в то же время является материальным существом, не способен подняться над чувственной «данностью». Субъект и объект рассматриваются им вне их исторического развития. И хотя Фейербах не останавливается только на чувственной видимости, все же он не может понять истинных и единственно объективно реальных предпосылок действительности, коренящихся в историческом прошлом, в реальном развитии действительности, и следовательно вынужден подходить к действительности из предпосылок философа, с «очками» философа.

Иначе говоря, Маркс делает упрек Фейербаху в том, что Фейербах по существу не может перейти от чувственного познания к диалектике.

Плеханов, принимая исходный пункт теории познания Фейербаха, логически приходит к теории соответствия или к теории иероглифов.

Таким образом Плеханов, восприняв учение Фейербаха о физиологическом единстве субъекта и объекта («гуманизм» Фейербаха), тем самым не понял всей глубины марксовой критики Фейербаха, в частности не понял всей глубины замечаний об «абстрактном» человеке Фейербаха и о значении практики в процессе познания. Но тем самым Плеханов не понял сути диалектики и процесса познания. Плеханов, так много написавший о теории познания, не попытался развернуть проблему познания как проблему развития познания на основе исторического развития практики общественного человека. У него получился разрыв между теорией познания и историческим материализмом. Мы видим здесь, как прав был Ленин, когда он сказал, что Плеханов толковал диалектику как сумму примеров, а не закон действительности и познания.

Я возвращаюсь к исходному пункту своего выступления. Вначале я сказал, что ошибки Плеханова в области философии вытекают из его политического оппортунизма. В предыдущем изложении я попытался показать слабые стороны его диалектического метода в трактовке некоторых основных вопросов теории познания. Но еще более слабым диалектиком он был в области политики. Здесь еще ярче сказывается его неумение владеть диалектикой.

Вот эта слабая сторона Плеханова тяготеет и над направлением, возглавляемым т. Дебориным. Неумение самостоятельно пользоваться диалектикой в вопросах, выдвигаемых новым этапом, в котором мы живем, создало то положение, что марксизм в руках т. Деборина превращается в догму; диалектика — в формальную, выхолощенную науку.

Чески с. Тов. Кучеров в своем докладе поставил очень интересную и очень актуальную философскую и политическую проблему, но он подошел к критике Плеханова не совсем критически. Тов. Кучеров не задал себе такого вопроса: является ли Плеханов, начиная с самых

²⁷ „Архив Маркса и Энгельса“, т. I, с. 217, примечание.

первых дней его революционной политической деятельности до самого конца, человеком вылитым из одного куска; иными словами, можно ли говорить о Плеханове как о до конца последовательном философе и революционере? Ведь известно, что Плеханов делал зигзаги в развитии своих взглядов. При изучении Плеханова нужно помнить основное различие, которое существует между Плехановым до 1900—1902 гг., и Плехановым в дальнейшем периоде его политического и философского развития.

У т. Кучерова получилось так, что Плеханов в своих лучших и в своих худших работах является одним и тем же Плехановым. Конечно с точки зрения физиологической это один и тот же Плеханов, но если мы будем говорить о Плеханове-философе и революционере, то здесь будет большое различие. Разве можно сравнить с точки зрения философской, революционной, с точки зрения диалектики его работу: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» с предисловием к этой книге, написанным во время войны? Каждому, кто читает это предисловие, бросается в глаза внутреннее противоречие между ним и духом самой книги. Разве нет различия между Плехановым 90-х годов и Плехановым периода империалистической войны? Как же т. Кучеров, который специально делает доклад о Плеханове, который желает выявить ошибки Плеханова, оставляет в стороне этот важный вопрос, не останавливается даже на нем. Это метафизический подход к самому философу. Этим т. Кучеров показал на примере, как не нужно поступать, он критиковал Плеханова, а сам поступил в этом отношении хуже Плеханова. У т. Кучерова получилось так, что у нас собственно нет Плеханова в его историческом развитии. По крайней мере в докладе не было сказано ни одного слова о философской эволюции и Плеханова. Было указано на политическую эволюцию, но не на философскую. Эта сторона является самой важной и самой интересной. Для того, чтобы понимать, нужно ли нам изучать Плеханова, для того, чтобы понимать сущность проблемы «Ленин и Плеханов», нужно взять, с одной стороны, Ленина в его развитии, в его эволюции, а с другой стороны, Плеханова в его эволюции. Вначале имеются точки соприкосновения между Плехановым и Лениным; сначала они стояли рядом в борьбе, но потом получилось расхождение в разные стороны. Если в отношении Ленина мы имеем дальнейшее развертывание материалистической диалектики, если у Ленина мы видим все большее и большее развертывание революционного марксизма, то у Плеханова мы имеем все большее и большее свертывание революционной стороны и все большее и большее развертывание оппортунизма. Это важно отметить потому, что в политической эволюции Плеханова были зигзаги; известно, что одно время Ленин еще надеялся, что Плеханов пойдет по правильному пути, когда Плеханов был примиренцем, когда он выступал против ликвидаторства; такие же зигзаги были и в его философской эволюции — вот эту сторону упускать совершенно невозможно. Это значило бы не понимать Плеханова.

Возьмем теперь философские вопросы. Плеханову приходилось, начиная с первых годов XX столетия, вести борьбу главным образом против идеализма: такова была тогда конкретная историческая обстановка. И так как в борьбе против идеализма ему приходилось

опираться на крупные материалистические системы предыдущих философов, то, с одной стороны, он выдвигал Фейербаха, а с другой стороны, стал все более и более подчеркивать связь марксизма со Спинозой. Он опирается на материализм Фейербаха и Спинозы, и тут его материализм не является в полной мере диалектическим материализмом. Плеханов боролся весьма успешно против идеализма, хотя не всегда в достаточной степени применял диалектику.

Тов. Кучеров говорил о большом влиянии, оказанном на Плеханова Чернышевским и Фейербахом. По мнению т. Кучерова это идеологическое наследство лежит тяжелым грузом на плечах Плеханова и искажает всю его философскую концепцию. Эта точка зрения по существу неверна. Само собой понятно, что в философском отношении Плеханов преодолел Чернышевского; это для всех очевидно; а если он взял у Чернышевского некоторые положительные стороны, то в этом ничего плохого нет; Ленин тоже высоко ценил Чернышевского. Всякий философ берет кое-что у своих предшественников. Плеханов взял у Чернышевского то, что можно было у него взять.

Нельзя точно так же утверждать, что Фейербах играет в философии Плеханова главную роль. Возьмите «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»: здесь Фейербаха совсем нет. Плеханов изучает генезис исторического материализма, а на Фейербахе не останавливается. Нельзя никак утверждать, что Плеханов выступает в этом сочинении как созерцательный материалист. Ведь это одна из лучших работ по историческому материализму. Прочтите блестящие страницы, где он говорит о революционной борьбе, где он цитирует знаменитые слова Гете: вначале было дело. Там чувствуется революционный дух, там горит революционный огонь. Это чувствуется во многих страницах. Этот факт игнорировать никак нельзя.

Ясно, что если Ленин так ценил Плеханова, то он это делал не потому, что последний был сначала до конца проникнут оппортунизмом, который отразился впоследствии и на его методологии. Нет. Плеханов был не один и тот же в различные периоды своей деятельности. Ленин говорит о Плеханове как о марксисте-революционере, Ленин ценит Плеханова, потому что Плеханов был революционером в определенный период. Этого нельзя забывать.

Мне кажется так же неверной та установка, которой придерживается и т. Бобровников, что коренная ошибка Плеханова, определяющая и его реформизм, его оппортунизм, кроется главным образом в его теории познания. Главный корень его ошибок лежит в его непонимании революционной диалектики. Неверная теория иероглифов Плеханова — результат непонимания им закона единства противоположностей. Теорию иероглифов взять как основу ошибок Плеханова нельзя. Нужно взять глубже эту основу. В самом деле, присмотримся к работам Плеханова. Если бы можно было кратко формулировать в этом отношении различие между Лениным и Плехановым, то можно было бы сказать так: Ленин изложил во всех 27 томах своих сочинений исторический и диалектический марксизм, хотя непосредственно о диалектическом и историческом материализме у него имеются только десятки листов. Все дело в том, что вся работа Ленина есть диалектический материализм в действии. Когда противники Маркса спрашивали: а где книги, ко-

торые написал Маркс об историческом материализме, Плеханов правильно ответил: Маркс написал «Капитал», это и есть исторический материализм. Писать об историческом материализме—это совершенно не значит написать учебник исторического материализма. Писать об историческом материализме—это значит дать диалектико-материалистический анализ исторических явлений и событий, а вся теоретическая работа Ленина действительно является образцом исторического материализма. Ленин пишет например брошюру: «Шаг вперед, два шага назад». Это по конкретно политическому вопросу; там есть лишь несколько строчек о диалектике, а вся статья—это материалистическая диалектика на практике, это есть действительный диалектический конкретный анализ, образец применения материалистической диалектики. Ленин пишет о профсоюзах, и это есть живой сгусток материалистической диалектики. Возьмем «Государство и революция», разве это не блестящая, классическая работа по историческому материализму? Плеханов писал много по философии марксизма. Он не плохо дрался с кантрианцами, с махистами, с народниками. Но возьмите его работу по истории развития движения в России, его статьи в «Дневнике публициста», все те работы, которые он напечатал после революции 1905 г., те статьи, которые он напечатал в «Новой искре», и вы увидите, что они являются образцом неумения пользоваться материалистической диалектикой. Действительные образцы революционной материалистической диалектики можно найти в работах Маркса, Энгельса и Ленина. По-моему главное, чего не хватает Плеханову, это революционного духа материалистической диалектики. Если этот революционный дух материалистической диалектики можно было еще найти в его первых работах, то чем дальше, тем больше этот дух материалистической диалектики улетучивается у Плеханова. Он совершенно не придавал значения, говоря о диалектике, принципу борьбы противоположностей. Конечно Плеханов тоже говорит о диалектике, утверждает вслед за Гегелем, что противоречие двигает вперед. Но революционного значения именно этого принципа единства и борьбы противоположностей как основного закона развития природы и общества—этого он не понимал или по крайней мере недостаточно понимал. Поэтому в его работах вы не чувствуете революционного характера материалистической диалектики. Ведь в том, что Ленин выдвигает этот закон единства и борьбы противоположностей в качестве основного закона, он идет гораздо дальше других. Это объясняется главным образом тем, что Ленин чувствовал революционный смысл этого закона и революционный характер материалистической диалектики. Этот революционный дух материалистической диалектики проходит красной нитью через все работы Ленина. Пишет ли он прямо о диалектике или же ни одним словом даже не упоминает о ней, она сквозит в каждой статье Ленина, во всех его 27 томах. Ленин действительно осуществлял на практике революционную материалистическую диалектику. Эта диалектика была им осуществлена на деле в руководстве пролетарской революции.

Возьмем начало деятельности Ленина и начало деятельности Плеханова. Плеханов начал работать значительно раньше Ленина; он был и в «Черном Переделе», он имел определенное отношение к «На-

родной Воле». Все это имело некоторое влияние на его дальнейшее развитие. Плеханов был одним из основателей группы «Освобождение труда». Плеханов первым развивал принципы марксизма в России. Плеханов с середины 80-х гг. до начала XX столетия развивал свою революционную марксистскую деятельность. Мы здесь видим революционный рост Плеханова, мы видим рост Плеханова как мыслителя-марксиста.

Если же мы возьмем дальнейшую работу Плеханова, начиная с 1902 г., то мы увидим, что все более и более Плеханов уходит от революционного марксизма, все более и более улетучивается у него революционная диалектика. К чему же приходит Плеханов? Он приходит к самому постыдному социал-шовинизму и к самому постыдному социал-империализму. Вот политический путь развития Плеханова. Мы тут имеем и теоретическое падение Плеханова. Даже в его блестящих статьях против Богданова мы не чувствуем настоящего революционного духа.

Возьмите, с другой стороны, Ленина. Возьмите всю его деятельность, начиная с самых первых работ. Вы здесь видите революционный огонь материалистической диалектики, который разгорается все более и более. Искра, которая была заметна в самом начале, разгорается в действительное великое пламя. Вы здесь имеете все больший и больший рост, все большее и большее развертывание революционной материалистической диалектики абсолютно во всех его работах. В каждой работе Ленина и во всем его руководстве, в каждом его политическом акте вы чувствуете животворящий дух материалистической диалектики, и вы видите проявление ее на практике. В конспекте «Науки логики» Гегеля мы находим глубочайшие афоризмы. В 20 строчках вы имеете изложение глубокой сущности диалектики. Дело в том, что, с одной стороны, в смысле формулировок мы находим у Ленина самую высокую сконцентрированность. Поскольку же речь идет о действительном проведении и осуществлении в жизни диалектики, то Ленин писал для масс, для широких рабочих масс, он хотел, чтобы его читали и понимали широкие рабочие массы, и в этом отношении вы имеете осуществление, воплощение этой диалектики в каждой его статье. С точки зрения чисто теоретической каждый афоризм Ленина имеет огромное значение. Но рядом с этим вы имеете большое количество статей, в которых речь не идет специально о диалектике, но которые дышат действительно революционной марксистской диалектикой. Вот, по-моему, на эту сторону нужно было обратить внимание.

Я резюмирую так. Первая основная ошибка доклада т. Кучерова та, что он подошел к Плеханову не исторически, не критически, а просто взял огульно ошибки Плеханова. Мы лишь тогда сможем критиковать действительные ошибки Плеханова и найти источник этих ошибок, когда мы подойдем к Плеханову исторически, когда изучим эволюцию Плеханова, эволюцию его философской мысли в связи с его политическими ошибками, с его оппортунизмом. Если возьмете плехановские работы в период империалистической войны, то там слово диалектика употребляется часто так же, как слово «интернационализм». Но там так же мало диалектики, как мало интернационализма. Тут мы видим, как он по этому пути растерял революционную марксистскую диалектику. Это — первое.

Второе, что я считаю нужным подчеркнуть, это то, что основной недостаток и коренная ошибка Плеханова заключаются в том, что он не понял основного закона революционно-марксистской диалектики, это чувствуется во всех его работах. Вот на чем нужно сделать упор: на непонимании им в достаточной степени значения принципа борьбы противоположностей как самого основного революционного диалектического принципа.

Далее еще одно маленькое замечание. Здесь усматривали своего рода агностицизм в утверждении Плеханова, что познать предмет — значит познать его в его свойствах. Я считаю, что это неверно, потому что Плеханов не противопоставлял свойств сущности, а наоборот подчеркивал единство между сущностью предмета и его свойствами, ибо сущность проявляется в свойствах. Плеханов критикует Гольбаха как раз за то, что последний отрывает сущность предмета от его свойств. Плеханов говорит, что нет различия между свойствами и вещью в себе, и раз познаны свойства, то тем самым познана и сущность.

Я думаю, что т. Кучерову в своем заключительном слове нужно будет ответить на все эти вопросы, так как он специально занимался этой проблемой. Тов. Кучеров должен осветить связь между политической эволюцией Плеханова и эволюцией философской. Он эту связь констатировал, но без достаточных доказательств. Одно дело, когда говоришь мимоходом, и совсем другое дело, когда берешься давать определенную установку по тому или другому вопросу. В таком случае нужно давать конкретные данные и не ограничиваться общими рассуждениями.

Б а т и щ е в. Сначала несколько слов относительно выступления т. Ческиса. Я думаю, что он начал за здравие, а кончил некоторым образом за упокой. Он начал с того, что рассмотрел недостатки и ошибки Плеханова, а в результате получилось, что он собственно этих ошибок и не видит. Я думаю, что над т. Ческисом известным образом тяготеет кошмар наследия Плеханова.

Доклад т. Кучерова нужно оценивать в связи с тем, что мы только приступаем к разработке проблемы критики философии Плеханова. Это только второй доклад по этому вопросу. Мы только теперь начинаем изучать роль Ленина и роль Плеханова в разработке марксизма. В частности теперь стоит перед нами вопрос о теории познания. Тов. Разумовский, который делал первый доклад, привел обширный материал, но он дал только описание темы, не больше. Тов. Кучеров дал материала меньше в своем докладе, но он поставил новые вопросы и пытался связать отдельные ошибки Плеханова в некоторое целостное единство. В этом — главное достоинство доклада т. Кучерова.

В основном доклад пытался на основе указаний Ленина увязать общие недостатки философии Плеханова (непонимание диалектики как теории познания) с отдельными его положениями, с учением о субъекте и объекте. Тов. Кучеров связывает этот вопрос с натурализмом, антропологизмом в понимании субъекта и объекта и практики. Эти положения имеют известную ценность для понимания деборинской группы. Теоретически наш путь для преодоления ошибок деборинской группы идет отсюда: через критику Плеханова,

через преодоление отрицательных сторон Плеханова, идущих в известной степени от Фейербаха. Тов. Кучеров недостаточно развил основной пункт доклада, что диалектика у Плеханова является как бы суммой примеров. Это основное положение, которое выдвигает Ленин и которое достаточно ясно для него, но недостаточно ясно для всех нас. Это положение нужно было наиболее основательно показать и доказать на работах Плеханова. Нужно было разбирать все остальные вопросы, исходя из этого основного положения. Я хочу привести одно место, по-моему достаточно яркое, которое характеризует то, что для Плеханова диалектика не есть теория познания, что для него диалектика является только внешним орудием познания. В статье к 60-летней годовщине Гегеля он пишет: «Материалистическое объяснение истории предполагает диалектический метод мышления. Диалектика была известна и до Гегеля, но Гегель сумел воспользоваться ею так, как никто из его предшественников. В руках идеалиста она становится могучим орудием познания всего существующего». Для Плеханова диалектика есть что-то законченное, стоящее вне развития самого процесса познания. Гегель не развил диалектику, как всеобщую теорию познания, он нашел ее и сумел использовать надлежащим образом. Диалектика представляется существующей и до Гегеля, вне исторического развития познания. Все дело сводится к тому, что Гегель воспользовался ею более умело. Плеханов разрывает диалектику и теорию познания.

Тов. Кучеров выдвинул общее обвинение Плеханова в том, что тот никогда не понимал теорию отражения. Это не совсем верно. В статье о Гегеле (1891 г.) Плеханов пишет: «Деятельность людей непременно отражается в их головах» и т. д. Об отражении он говорил и позднее (напр., т. VIII, с. 192). Но все дело в том, что он вместе с тем развивал и теорию иероглифов. У него не было ясности в этом вопросе.

Напрасно некоторые обвиняли Кучерова в том, что он взял Плеханова известным образом метафизически. Я согласен с тем, что т. Кучеров не достаточно ясно поставил вопрос относительно эволюции Плеханова, но он говорил здесь о связи меньшевизма с теоретической эволюцией Плеханова.

Кроме того я думаю, что неправильно будет переоценивать влияние Чернышевского на Плеханова и вообще неправильно ставить вопрос относительно эволюции Плеханова через идейную преемственность от Чернышевского, Гегеля и Фейербаха. Я думаю, идейная преемственность от Чернышевского, Гегеля и Фейербаха должна быть понята через определенную социально-классовую позицию Плеханова. Почему Плеханов недопонимал марксизма? Почему он не пришел к тому, к чему пришел Ленин? Вопрос сводится к объективным источникам идейной эволюции Плеханова и Ленина. Тов. Бобровников полагает, что меньшевизм Плеханова вытекает из его неправильного понимания марксизма. Но правильнее будет сказать как раз наоборот.

После Маркса и Энгельса развиваются два основных типа рабочего движения: реформистское и революционное. Если брать за образец тип этих движений, то мы можем взять немецкое рабочее движение как реформистское, которое лежало в основе всего II Интернационала, и наше рабочее движение как тип революционного дви-

жения. Плеханов в основном отражал реформистское рабочее движение. Плеханов покидает реальную, непосредственно живую связь с русским рабочим движением в его зачаточной форме в начале 80-х гг. По-моему отсюда нужно начинать анализ. Плеханов не пережил величайшего размаха русского рабочего движения в 90-х гг. В дальнейшем мы замечаем у Плеханова рост этого его отрыва от революционной практики рабочего движения. Отрываясь от русского рабочего движения, от нарастающего русского революционного рабочего движения, Плеханов связался с западным рабочим реформистским движением. Он отражал его, влиял на него, и сам эволюционировал под его влиянием. Это весьма большой вопрос, я не имею возможности его развить. Для пояснения возьму один пример: оценку Струве в 1895 г. Лениным и Плехановым. Ленин прежде всего схватил классовый смысл выступления Струве как «отражение марксизма в буржуазной литературе». Плеханов берет Струве под свою энергичную защиту, сводя все дело к ошибкам молодости. Он совершенно не видел классового политического смысла, сводя все к психологии (т. VII, с. 288). И только тогда, когда Струве открыто скатился к либерализму, Плеханов выступил против него. Но характерно, что Ленин критикует Струве на конкретной почве русского рабочего движения, тогда как Плеханов совершенно не касается русской исторической действительности, а ведь работа Струве посвящена экономическому развитию России. Он берет лишь общие вопросы, а когда касается рабочего движения, то берет Англию. Можно было бы показать и во всех дальнейших работах Плеханова, что он все более и более опирается на реформистское рабочее движение. Он шел в общей фаланге вождей II Интернационала и эволюционировал вместе с ними. Только опираясь на революционную борьбу большевистской партии и русского рабочего движения, проверяя на нем теорию и участь на его опыте, Ленин мог преодолеть влияние реформизма и подняться выше Плеханова и в теории.

Васильева. Докладчик прав, поставив вопрос о связи теоретических ошибок Плеханова с его политической позицией. В этом единственно правильный исторический подход к проблеме: Ленин и Плеханов. Но докладчик остался в пределах абстрактной постановки вопроса, так как рассмотрение антиисторизма, формализма политической логики меньшевизма не довел до социальных корней, не объяснил эту логику из социальной природы того класса, который меньшевики представляют. Понимание революционной роли пролетариата в современном обществе было той реальной основой, которая давала возможность Ленину и всей большевистской партии каждое политическое событие рассматривать во всем его своеобразии, во всей конкретности как ступень в развитии классовой борьбы пролетариата к его окончательной победе. Этого не было и не могло быть у меньшевиков, одним из идеологов которых был Плеханов.

Марксизм—идеология пролетариата. Маркс создавал, формулировал и развивал свою теорию познания в непосредственной связи с изучением истории классовой борьбы пролетариата и принимал самое активное участие в современной ему борьбе рабочего класса. Эта революционная социальная основа марксизма нашла свое выражение в теории познания, в категориях практической революционной деятельности. Тов. Деборин в предисловии к «XI Ленинскому сборнику»,

подводя итоги оценки Лениным «Логики» Гегеля, говорит: «Гегель правильно разрешил, по крайней мере теоретически, вопрос о взаимоотношении теории и практики, что дало возможность Марксу ввести критерий практики в теорию познания». Тов. Деборин не понимает того, что Марксом проделана колоссальная критическая, именно теоретическая работа над Гегелем — это во 1-х, а, во 2-х, того, что Ленин своими перевертываниями показал и доказал в своих «конспектах» всю несостоятельность гегелевского разрешения вопроса. Только материализм, притом материализм, достроенный доверху (Ленин), т. е. доведенный до материалистического понимания истории, до предметной деятельности людей исторически определенного общества и класса, может стать действительной основой как для разрешения вопроса об единстве теории познания, логики и диалектики, так и для вопроса об единстве теории и практики, об их реальной связи.

Плеханов недооценил значения практики в марксистской теории познания (см. особенно ст. «От идеализма к материализму», т. XVIII, с. 176), и в этом нашло свое выражение непонимание Плехановым революционной роли буржуазного рабочего класса, которая неизбежно приводит к диктатуре пролетариата. В недооценке роли практики сказались черты феербахизма у Плеханова — в этом докладчик прав. Но докладчик преувеличил влияние Фейербаха на Плеханова тем, что он не отметил, как далеко ушел Плеханов от Фейербаха, ставши на точку зрения исторического материализма. Плеханов не достроил материализма до теории научного коммунизма, не довел революционную практику рабочего класса до ее высшей точки — диктатуры пролетариата. В этом источник и ключ к пониманию как политических, так и теоретических ошибок Плеханова.

Милонов. Своим докладом т. Кучеров затронул одну из весьма существенных и до сих пор мало разработанных проблем. Но при всех своих заслугах доклад т. Кучерова имеет все же довольно существенные недостатки и ошибки. Заключительные аккорды доклада были таковы, что они смазывали те важные и в значительной степени правильные замечания, которые давались т. Кучеровым по поводу теории познания Плеханова. Ибо в заключительной части доклада Плеханов был изображен как стопроцентный ортодоксальный марксист. Тов. Кучеров заявил, что меньшевизм «кроме ал философию Плеханова». Я считаю, что поставленная здесь проблема о меньшевизме в философии Плеханова разрешается не таким образом. Я думаю, что мы можем и должны в своем исследовании взглядов Плеханова отыскать даже в самых начальных ступенях его марксистского развития известные зародыши, которые в дальнейшем, при соответствующей исторической обстановке, сделали из Плеханова меньшевика, сипртвицста. По вопросу об этих методологических зародышах я сделаю только одно предварительное замечание. Плеханов дал нам очень много ценного и интересного в теоретическом осущении целого ряда надстроек. Здесь Плеханов несомненно очень крупный теоретик. Но та общая установка, которая создавалась у Плеханова в связи с такого рода устремлениями, установка не столько на методологию классово́й борьбы и революции, сколько на вопросы, для революционной эпохи относительно абстрактные (вопросы искусства и т. п.), — эта установка, как мне кажется, и обозначила в конце кон-

цов Плеханова как человека, который весьма сильно ошибался по вопросам классовой борьбы, государства и т. д., что и привело его к оппортунизму и меньшевизму.

Перехожу к некоторым другим вопросам. Тов. Кучеров несколько раз на протяжении своего доклада отождествлял вопрос об отношении мышления к бытию с вопросом об отношении субъекта и объекта. Такое отождествление «вурцелирует» (употребляя термин Бухарина) от самого Плеханова, но с точки зрения марксизма оно неприемлемо. Как известно, Энгельс говорит о соотношении между бытием и мышлением, между природой и духом как о «возвышеннейшем вопросе всякой философии». То же самое у Ленина. Постановка вопроса, данная т. Кучеровым, есть дача пальца (а может быть и больше) идеализму. Именно идеализм ставит вопрос о соотношении между субъектом и объектом. Особенно это характерно для Канта, у которого основным вопросом всей философии является проблема теории познания (этим отчасти грешит и Плеханов). С нашей же точки зрения (как это обосновали Энгельс и Ленин) определяющая проблема — это есть проблема первичности природы, материи по сравнению с духом, сознанием, мышлением.

Отождествление проблемы субъекта-объекта с проблемой мышления и бытия затушевывает коренной вопрос борьбы материализма с идеализмом. Если вопрос о субъекте и объекте поставлен как основной вопрос философии, решение которого определяет принадлежность к материализму или идеализму, то это означает, что субъект («я») берется так, как это обычно делает идеализм, т. е. только как идея, дух, мышление. При этом не видят, что внутри самого субъекта как конкретного человека существует тоже проблема соотношения между мышлением и бытием. С другой стороны, это отождествление неправильно еще и потому, что материальный мир рассматривается здесь только как объект, тогда как с точки зрения марксизма материальный мир является не только объектом нашего созерцания и нашей активности, но и сам является субъектом действия.

Следующий вопрос, который я хочу затронуть, это вопрос о соотношении формальной логики и диалектики. Тов. Кучеров правильно отмечал в своем докладе, что Плеханов недостаточно критиковал формальную логику. Однако мне кажется, что и Кучеров сам недостаточно критиковал в этом вопросе Плеханова. Вследствие целого ряда ошибок так называемого философского руководства кое-где повелась манера считать, что диалектический материализм будто бы только тем и занимается, что примиряет всякие противоположности. Так, т. Деборин говорит, что диалектический материализм примиряет субъективизм и объективизм (чего, на самом деле, конечно, нет). Тот же т. Деборин рассматривает диалектический материализм как примирение односторонностей эмпиризма и рационализма. Это же самое утверждает и т. Маньковский в своей брошюре «Спиноза и материализм». Получается, что диалектический материализм — это какая-то коробка или какая-то яма, в которую сваливается всякий исторический философский мусор, и вот он «примиряет» все эти вещи. Для каждого марксиста, большевика несомненно, что диалектический материализм ничего не примиряет, что он проводит свою собственную линию, непримиримую с эмпиризмом, рационализмом и всяким прочим «нш-ями», против которых, как против неправильных точек зрения, он

борется. Именно по этой линии и надо идти при рассмотрении вопроса о соотношении между формальной логикой и диалектикой.

В докладе приводились высказывания Плеханова по этому вопросу, из которых получается, что диалектика, собственно говоря, не уничтожает формальную логику, что диалектика согласна мирно сосуществовать с формальной логикой.

Таково ли положение на самом деле? Уже Гегель говорил, что формальная логика приводит к пустой тавтологии, что это есть убеждение мысли, что диалектика представляет собою универсальный метод, исключающий формальную логику. Ленин в брошюре «Еще раз о профсоюзах и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина» указывал на то, что «формальной логикой ограничиваются и должны ограничиваться для низших классов школы» и то лишь с «поправками». Из этих слов Ленина отнюдь нельзя сделать того вывода, будто по Ленину марксизм включает в себя формальную логику как свою подсобную часть. Ведь для нас несомненным является то положение, что диалектика представляет собою универсальный метод познания действительности и универсальный метод действия. А это значит, что диалектика не мирится ни с какими иными методами и точками зрения и что формальная логика не есть часть диалектики. Это значит, что формальная логика как метод (а Энгельс в «Анти-Дюринге» называл формальную логику методом перехода от известного к неизвестному) исключается универсальным методом, методом диалектическим. Правда, тут сейчас же встает вопрос о тех случаях, когда нам нужно решительно говорить либо да либо нет. Очень интересное замечание сделал г. Кучеров, сказавши, что стремление сохранить формальную логику опирается на необходимость признания известной устойчивости, но что для этого формальная логика вовсе не нужна, так как диалектика и есть такой метод, который научно обосновывает момент устойчивости, рассматривая эту устойчивость диалектически, с точки зрения ее возникновения, развития и гибели. Вот эта мысль, правда в ином виде, и должна быть положена в основу решения вопроса о соотношении между формальной логикой и диалектикой.

Все знают, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин никогда не избегали решительного ответа на вопрос, если условия к тому обязывали. Они говорили в этих случаях либо да, либо нет. Это конечно не значит, что они вставляли в этих случаях на точку зрения формальной логики, как будто диалектика нужна была им лишь как теория, которую при решении конкретных практических вопросов рабочего движения они клали в карман, а из другого кармана вынимали формальную логику. Как раз диалектика и приводит к определенному конкретному решению, обосновывая необходимость решения по принципу: либо да, либо нет. Но она требует решения по этому принципу не всегда, как это делает формальная логика, а на определенной стадии развития данного процесса. Напр. Ленин решил вопрос об Октябрьском восстании по принципу: «либо да, либо нет». В этом случае, так же как и в тысяче других, мы имеем гениальное использование Лениным диалектики, а вовсе не формальной логики. Именно диалектика дала Ленину возможность познать весь процесс развития и обосновать твердое решение в тот момент, когда этот процесс стал обнаруживать известный поворот, известный внутренний перелом,

По своей форме это похоже на принципы формальной логики, но по существу мы имеем здесь полное ее отрицание.

Та мысль Плеханова, что «мышление по правилам формальной логики есть частный случай диалектического мышления, как покой есть частный случай движения», в основном совершенно правильна. Но выражена она так, что из нее можно сделать (и делаются самим Плехановым) совершенно неправильные выводы о том, будто диалектика не отменяет формальной логики, а включает ее в себя.

Последний вопрос. Мне кажется, что т. Кучеров не выяснил целиком и полностью, почему именно Ленин говорит, что не надо трех слов: гносеология, логика, диалектика. К сожалению, в настоящий момент мы все еще находимся в таком периоде, когда обязательные для каждого марксиста положения Ленина о диалектике далеко еще не подвергнуты сколько-нибудь расширенному теоретическому исследованию. Поэтому здесь, к сожалению, неизбежен некоторый разнобой. Но мне кажется, что тот путь, по которому пошел т. Кучеров, не является вполне правильным.

Всем известно положение Ленина: «Итог и резюме — последнее слово и суть логики Гегеля есть диалектический метод — это крайне замечательно». Почему это крайне замечательно с точки зрения Ленина? Да потому, что Ленин еще до своей работы над «Логикой» Гегеля в одном из своих писем писал: вот мол он (Ленин) в одном своем докладе говорил о «марксизме как методе», а из «прекрасного далека» ему начали сыпаться упреки в том, что он-де не понимает марксизма; а вот мол смотрите, у такого человека, как Каутский, в брошюре «Историческое значение К. Маркса» тоже написано о марксизме как о методе. Это действительно крайне замечательно. И эту крайне замечательную мысль Ленина у нас не хотят положить в основу своих исследований.

По Ленину не надо трех слов (логика, диалектика и теория познания) по той причине, что «диалектика и есть теория познания (Гегеля) и марксизма». Для нас нет никакой теории познания как таковой. Для нас есть диалектика, и эта диалектика (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности, борьба противоречий и т. д.) и есть наша логика и наша теория познания. Это есть метод, как высшая форма развития всякого теоретического знания.

В этом вопросе у т. Кучерова были допущены крайне небрежные формы выражения. Он приравнивал диалектику исключительно логике, не понимая того, что диалектика есть метод и что именно как метод одновременно познания и действия материалистическая диалектика имеет наиболее богатое содержание. Борьба против взглядов Плеханова и Деборина, т. Кучеров в этом вопросе остался на их точке зрения. Ведь именно для них диалектика есть одна только логика и лишь постольку теория познания. Для них диалектика не является методом познания и действия, методом перехода от известного к неизвестному, методом нахождения новых результатов.

Ленин говорит, что условие познания всех процессов мира в их самодвижении есть познание их как единства противоположностей. Этим самым Ленин конкретно и точно указывает на тот смысл, в каком следует понимать диалектику как теорию познания. В теории познания нет особых категорий, которых бы не было в диалектике. Все категории диалектики (противоположность, противоречие, коли-

чество, качество, форма, содержание и т. д.) суть категории, с помощью которых мы познаем окружающую нас действительность, ибо для нас нет никакой особой теории познания.

Тов. Кучерову следовало бы положить в основу своего доклада мысль Ленина о диалектике как методе и сосредоточить свое внимание на том, как Ленин пользуется этим методом. Нужно было бы именно на этом фоне показать всю тщетность утверждений Плеханова насчет особой теории познания. Это тем более необходимо, что все то новое, что внес в диалектику Ленин, является до сих пор еще не вполне выясненным для философов.

Мильков. Наша задача — подойти к Плеханову исторически, т. е. понять Плеханова в развитии, исходя из условий развития классовой борьбы, а затем взять Плеханова в целом и дать соответствующую оценку его методологии.

В докладе говорилось о том историческом грузе (довольно неважном), который тяготел над Плехановым, когда последний стал марксистом. Но мне кажется, что докладчик не дал достаточного исторического обоснования той «логической структуре ошибок» Плеханова, которую он выводил в порядке последовательности. В этом отношении доклад пронизан своеобразным духом «саморазвивающихся категорий» с печатью «вне времени и пространства».

Особого внимания заслуживает вопрос о преемственности: Плеханов-народник — Плеханов-марксист. В своей первой марксистской работе «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) Плеханов подвергает решительному пересмотру свои прежние народнические взгляды. Однако, объявив себя марксистом, Плеханов еще не преодолел своих прошлых ошибок. Разбирая отношение между экономикой и политикой, Плеханов в ряде положений пребывает в плену концепции метафизического «взаимодействия».

Характерно и то, что Плеханов и впоследствии не обнаружил полного освобождения от того идейного груза, который над ним тяготел. Так, в 1905 г. в предисловии к первому тому первого издания собрания своих сочинений Плеханов писал, что его «нынешнее мирозерцание» (т. е. марксизм) «представляет собой не более, как логическое развитие основной мысли, увлекавшей меня уже тогда, когда я работал в органах революционного народничества». В этих словах и в последующих рассуждениях о Бакуanine, который-де тоже стоял на точке зрения исторического материализма, хотя и плохо понимал его, сквозит недостаточная радикальность той критики, которой Плеханов подверг свои прежние народнические воззрения.

В 90-е и 900-е годы Плеханов был бесспорно одним из лучших теоретиков марксизма той эпохи. Однако даже в своих лучших работах он все же допускал ряд ошибок и неточностей метафизического характера. Напр. в «Очерках по истории материализма», в статье «Маркс» Плеханов, излагая основы исторического материализма, дает схему из пяти-шести этажей (географическая среда, производительные силы и т. д.), где один из другого выводится, один от другого зависит, но где нет и речи об их диалектическом проникновении и диалектическом развитии во взаимодействии, нет речи о том, что роль каждого элемента в различные этапы общественного развития качественно различна, что соотношение этих элементов меняется и что меняется в целом качество общественной формации.

Печать вулгарного материализма и непонимание основного закона диалектики (единства противоположностей) характерны для меньшевистской трактовки всех этих проблем.

Если мы возьмем такой широкоизвестный труд Плеханова, как «Основные вопросы марксизма», то мы увидим, что и в этом труде, вышедшем в 1908 г. вскоре после бурных исторических событий 1905 г., Плеханов продолжает выведение одного «этажа» из другого, упуская из внимания диалектическое единство причины и следствия, диалектические изменения в роли тех или иных моментов целого и в их соотношении между собою и диалектическое преобразование данного качества в его развитии. Между тем исторические условия, в которых писалась эта работа, обязывали Плеханова применять диалектику Маркса и Энгельса к новому историческому материалу вместо того, чтобы обосновывать свою аргументацию примерами из жизни дикарей, у которых-де тоже экономические условия определяют их цели и т. д.

Жизнь уходила дальше, качество разбираемых Плехановым категорий и их взаимоотношение видоизменялись, а Плеханов продолжал этого не замечать. Происходил процесс отрыва теории от действительности; недостаточно глубоко понятая диалектика становилась суммой примеров, а не орудием познания и борьбы.

Эклектизм Плеханова со всей яркостью выразился в его рассуждениях о соотношении формальной логики и диалектики. Плеханов метафизически разрывает непрерывный процесс развития, утверждая, что формальная логика господствует в том случае и в тот момент, когда налицо определенные свойства предмета; когда же эти свойства изменяются, тогда господствует диалектика. Ленин подходил к этому вопросу иначе. Он указывал (в брошюре «Еще раз о профсоюзах...»), что формальная логика только в том смысле не отрицается диалектикой, что ею приходится ограничиваться «для низших классов школы» и то лишь «с поправками». Следовательно формальную логику надо понимать не как равноправно сосуществующую с диалектикой, а как низшую, ограниченную и подготовительную ступень познания. Диалектика же господствует не только в случаях перехода от одного свойства к другому, а во всех без исключения случаях, на всех без исключения этапах развития.

Далее, можно было бы указать на ошибки Плеханова в оценке Спинозы, Гегеля и французских материалистов. Развивая дальше эти ошибки Плеханова, Деборин стришет Спинозу под диалектического материалиста и совершенно некритически относит к Гегелю.

Вообще представители современного формалистического уклона воспроизводят самые худшие стороны Плеханова. У них отсутствует понимание классового содержания тех или иных идеологий, диалектического развития их, преодоления одной системы другою. Современный формалистический уклон и механистическая ревизия марксизма имеют между собою то общее, что, извращая материалистическую диалектику, они объективно способствуют врагам рабочего класса и тормозят социалистическое строительство, выражая (в различной форме) сопротивление и колебания мелкой буржуазии.

Оценивая Плеханова в свете новейшего этапа развития нашей борьбы, мы должны сказать, что даже в своих лучших работах Плеханов допускал ошибки и недопонимание всей глубины револю-

ционной диалектики. Эти ошибки получили дальнейшее развитие после того, как Плеханов не понял новых исторических закономерностей, не понял революции 1905 г. и отрекся от диктатуры пролетариата. Логика классовой борьбы привела к тому, что Плеханов подменил марксизм буржуазным либерализмом.

У докладчика имеется ряд формулировок, которые требуют уточнения и исправления. Напр., что значит, что «практика кромсала философию»? Тов. Кучеров разрывает здесь теорию и практику (политику) и берет Плеханова «вообще», а не исторически. Абстрактный подход т. Кучерова не позволил ему дать достаточно четкую оценку Плеханова и сделать достаточно ясные выводы, как этого от нас требуют современные задачи.

Г е й л и к м а н. Прежде чем взять слово, я считаю своим долгом признать свои прежние философские ошибки механистического направления, а также примиренчество к нему. Если механистический материализм был семизды бит идеалистической диалектикой, то он был и будет бит семизды семь раз материалистической диалектикой.

Мое заявление я считаю тем более необходимым сделать, что критика теории познания Плеханова тесно связана с критикой ошибок бывшего философского руководства, имеющего заслуги в борьбе с механистическим материализмом.

Теперь по существу доклада. Интересно отметить, что по вопросу об оценке Плеханова замечается трогательная солидарность между механистами и представителями деборинской школы. Как те, так и другие одинаково некритически относятся к теории познания Плеханова. Можно сказать, что эта проблема впервые ставится лишь теперь, в условиях философского поворота.

В теории познания Плеханова имеется не один, а два уклона от диалектического материализма. Оба они вырастают из одного общего гносеологического корня. Но о каждом из них надо говорить особо. С одной стороны, мы имеем фейербахианство у Плеханова, его переоценку, идеализацию антропологического материализма. С другой стороны, кантианский уклон, связанный с теорией иероглифов. Не все элементы кантианства были здесь достаточно оттенены. В связи с теорией иероглифов необходимо остановиться на субъективистическом толковании ощущений у Плеханова. Этот субъективизм представляет собою уже шаг назад даже от фейербаховского материализма. Это вовсе не исключает того обстоятельства, что в основном Плеханов, как отмечалось, здесь, представляет собой завершение фейербаховского материализма.

Надлежащую критику взглядов Плеханова на Фейербаха можно дать лишь в свете ленинской оценки Фейербаха. Для Ленина с полной очевидностью были выявлены две стороны Фейербаха: одна сторона — недостаточно развернутый материализм, уступки идеализму, в особенности в вопросах общественных, другая сторона — последовательный материализм в его оценке роли ощущений в процессе познания. Так, в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин пишет: «Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными философами, умели открывать отступления от материализма и поправки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших» направлениях... Поэтому Фейербаха упрекали они за то, что он не провел материализма до конца, за то, что он отрекался от материализма

из-за ошибок отдельных материалистов, за то, что он воевал с религией в целях подновления или сочинения новой религии, за то, что он не умен в социологии отделяться от идеалистической фразы» *.

В «Конспекте» Фейербаха Ленин еще резче подчеркивает его слабые места. Ленин берет в иронические ковычки феербаховский социализм, цель которого заключается не в уничтожении собственности, а в том, чтобы «собственность была у всех». Ленин отмечает по этому поводу, как сильно уже в это время отстал Фейербах от Маркса и Энгельса²⁸. Ленин видит в Фейербахе предшественника субъективной школы Михайловского, когда тот возводит в идеал «целью человека, действительного, всестороннего, совершенного, развитого человека». «Идеал Михайловского — прибавляет Ленин — представляет лишь вульгаризованное повторение этого идеала передовой буржуазной демократии или революционной буржуазной демократии» (с. 11). Как это далеко от плехановских взглядов на Фейербаха, который якобы предвосхитил человеческую практику в марксовом значении этого слова.

С другой стороны, эти слабые стороны Фейербаха не заслоняли в глазах Ленина его заслуг перед материалистической философией, которая даже в этой ограниченной форме представляет собою гигантский шаг вперед по отношению к идеализму. Замечательнее всего то, что Плеханов, неизменно идеализирующий Фейербаха, не всегда удерживался даже на позициях феербаховского материализма и отступал как раз от того, что по мнению Ленина составляет самую сильную сторону теории познания Фейербаха, именно от правильного понимания чувственного опыта.

В рецензии на книгу Рихтера «Скептицизм в философии» Плеханов полемизирует против субъективистического понимания истины у Рихтера. «Истина, — настаивает Плеханов, — есть именно согласие между суждением и его объектом». Плеханов правильно возражает против субъективизма в понимании истины и требует согласия суждения с действительностью, а не субъектом. Но он сам же скатывается к субъективистическому толкованию истины, когда видит это согласие с действительностью только в суждении, а не в чувственном опыте.

«Данный человек, — пишет Плеханов, — кажется мне бледным. Верно ли это? Не в этом вопрос. Раз данный человек кажется мне бледным, то тут и спорить нечего. Он неоспоримо кажется мне таким. Иное дело, когда я на этом основании высказываю суждение: «Этот человек болен». Оно может быть истинным, а может быть и ложным. В каком случае оно истинно? В том случае, когда мое суждение соответствует действительному состоянию данного человека. В каком случае оно ложно? Это ясно само собой: в том случае, когда нет согласия между действительным состоянием этого человека и моим суждением о нем»²⁹. Здесь без сомнения Плеханов платит дань субъективизму, ибо он игнорирует роль ощущений в познании. Откуда идет этот разрыв между ощущением и мыслью? Он идет от Канта и Гегеля, который в оценке чувственного опыта шел за Кантом.

* Ленин, т. XI, гл. VI, § IV.

²⁸ XII Ленинский сборник*, с. 115.

²⁹ Плеханов, Собр. соч., т. XVII, с. 161.

«Сторонник диалектики Гегель, — пишет Ленин, — не сумел понять диалектического перехода от материи к движению, от материи к сознанию — второе особенно». «Диалектичен, — продолжает Ленин, — не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли»⁸⁰.

Последние слова не в бровь, а в глаз попадают также и Плеханову. Сторонник диалектического материализма, Плеханов также не сумел понять в данном случае диалектического перехода от ощущения к мысли.

Как же Ленин относится к роли чувственного опыта? Если он Гегеля старался читать материалистически, то Фейербаха он старается читать диалектически. Только материалистическое понимание дает возможность видеть диалектический переход от ощущения к мысли. Ленин поэтому одобрительно подчеркивает те места у Фейербаха, где последний говорит об истинности чувственного опыта. «Чувственность — первое, — замечает Ленин, — само по себе существующее и истинное»⁸¹. Он считает правильным взгляд Фейербаха («прелестно сказано»), что лишь в голове имеется разрыв и противоречие между бытием и мышлением, тогда как в действительности это противоречие давно уже разрешено⁸².

В этой аудитории конечно нечего распространяться о том, какое громадное значение Ленин придавал не только ощущениям, но и понятиям и научным абстракциям, которые по его мнению «отражают природу глубже, вернее, полнее»⁸³. Тем не менее, чтобы прийти к ним, нужно исходить из чувственного опыта, ибо в нем уже заложены основания для мышления, в самом ощущении имеются зачатки формирования понятий. Имеются чувства тождественности, одинаковости и различия, и следовательно закон тождества как закон мышления уже опирается на истинность чувственного созерцания⁸⁴. Отдельные ощущения могут быть конечно обманчивы, иллюзорны, но чувственный опыт в целом не может обмануть. Такова твердая, последовательно материалистическая ленинская позиция.

Если сопоставить с этими высказываниями Ленина идеалистические шатания Плеханова по вопросу о роли ощущений в познании, то сразу бросается в глаза яркое различие между теорией познания Ленина и Плеханова вообще и различие в их взглядах на Фейербаха в частности.

С идеализацией фейербаховского материализма связан и антиисторизм в теории познания Плеханова. Возьмем хотя бы проблему единства субъекта и объекта. Для него эта проблема одинаково разрешается у Спинозы, у Фейербаха и в современном диалектическом материализме. Прошлая дискуссия о Спинозе, благодаря ошибкам механистов, сводивших субстанцию Спинозы к причинности и тем самым тащивших его в лагерь идеализма, смазывала вопрос о метафизическом характере спинозовского материализма. Нужно было руководствоваться указаниями Маркса, что спинозовская субстанция есть метафизически переодетая природа. Идеализация Плехановым,

⁸⁰ „XII Ленинский сборник“ с. 235.

⁸¹ Там же, с. 98.

⁸² Там же, с. 117.

⁸³ „IX Ленинский сборник“, с. 183.

⁸⁴ „XII Ленинский сборник“ с. 139.

а за ним и деборинской группой Спинозы, как и Фейербаха, обнаруживает кроме щедрости в раздаче патентов на диалектический материализм антиисторизм в понимании основных вопросов теории познания. Доклад т. Кучерова поднял новую важную проблему, которая упирается в ряд основных для философского поворота вопросов. Но я считаю, что критика Плеханова со стороны отдельных товарищей была «суздальской» критикой. Она не поможет, а скорее повредит нужной и необходимой критике Плеханова. Суть дела не в том, чтобы оглушно обвинить Плеханова. Для нас без сомнения обязательно считается со словами Ленина, дающего высокую оценку произведениям Плеханова, несмотря на целый ряд допущенных последним грубых ошибок. Но это именно означает, что мы должны брать Плеханова не в идеализированной редакции философского руководства, а в исправленном виде, исходя из ленинских указаний. Нужно сказать, что критика Плеханова, с другой стороны, неправильно воспринимается некоторыми обывателями от философии, будто бы задуман какой-то «поход» против Плеханова и его третируют как «мертвую собаку». Я думаю, что этим смазывается объективный смысл критики Плеханова. Если некоторые думают, что высокая оценка Ленина как философа требует умаления Плеханова, то это сущие пустяки. С точки зрения теории относительности, идеалистически понятой, это может так показаться. Но все дело в том, что мы должны изучать философию Плеханова в критическом освещении Ленина и ленинизма, который поднимает материалистическую диалектику в ее конкретизации на высшую историческую ступень развития.

Заключительное слово т. Кучерова

Подытоживая прения, можно сказать, что основные точки зрения доклада большинством выступавших были признаны правильными. Объясняя ошибки Плеханова характерными особенностями меньшевистской политики, я пытался показать, что имеющие место в его философских работах антиисторизм, формализм и субъективистические ошибки отражают меньшевистскую тактику и меньшевистскую политическую методологию.

В этой связи необходимо рассматривать вопрос, которому здесь уделяли много внимания — об отношении Плеханова к Фейербаху. Апологетическое отношение Плеханова к Фейербаху не является результатом простой преемственности определенной совокупности идей от Чернышевского. Тов. Дитякин был совершенно прав, подчеркивая это. Наличие натурализма в философских воззрениях Плеханова является отражением антиисторизма политической методологии меньшевизма. Плеханов-меньшевик, пересматривая свои философские взгляды, изложенные в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», обращается к антиисторизму Фейербаха, а не к антиисторизму какой-либо иной философской школы, по той причине, что философия Фейербаха была близка еще Плеханову-народнику (главным образом через Чернышевского). Фейербахианство, отсутствующее в работах Плеханова-революционного марксиста, реставрируется Плехановым-меньшевиком. Тов. Ческис глубоко ошибается, полагая, что раз элементы феербахианства не проявились в таких работах Плеханова, как «К вопросу о развитии монистического

взгляда на историю», то вообще нельзя говорить о феербахизме Плеханова. Точка зрения т. Ческиса игнорирует социально-исторический подход к Плеханову-политику и философу. Вместо того, чтобы объяснить воззрения Плеханова, исходя из общественно-политической борьбы, т. Ческис предпочитает ограничиваться рассмотрением философских текстов Плеханова. Между тем марксизм отвергает абстрактную, оторванную от социально-исторического процесса логическую филиацию идей.

Здесь много говорили о преимуществах Плеханова над Фейербахом. Но доказывать это — значит ломиться в открытую дверь. К тому же не следует обособивать эти преимущества Плеханова так, как это пытался делать т. Бобровников, по мнению которого Плеханов выгодно отличается от Фейербаха тем, что он применяет свои философские взгляды к политике. Ведь существо дела заключается в том, какие философские взгляды применяются в какой политике. Разве Фейербах по-своему не применял своих взглядов к определенной политике, разве взгляды этого мелкобуржуазного радикала не стали определенным политическим лозунгом? Меньшевизм последних философских работ Плеханова вскрывает перед нами вместе с определенной политикой и определенную философию.

Вместо общих рассуждений о преимуществах Плеханова над Фейербахом следовало бы разобрать, как проявляется апологетическое отношение Плеханова к Фейербаху в ряде его работ по историческому материализму. Плеханов дает неправильное разрешение вопроса о влиянии географической среды на процесс развития общества, принося определенную антиисторическую точку зрения в исторический материализм, игнорирующую внутренние противоречия общественного развития. Примаат географической среды над общественно-историческим процессом непосредственно связан с антропологическим пониманием проблемы субъекта и объекта. Именно для Фейербаха единственно существующей формой объекта была географическая естественная среда.

В докладе указывалось, что антиисторическая точка зрения Плеханова в теории познания не могла предохранить его от субъективно-идеалистических ошибок иероглифической теории. Однако совершенно неправ т. Бобровников, пытавшийся непосредственно вывести из феербахизма и вульгарно материалистических уклонов Плеханова кантианскую теорию иероглифов. Материализм Фейербаха и французских материалистов остается материализмом, несмотря на свою ограниченность. Нельзя в одну кучу смешивать метафизический материализм с его попыткой антиисторического решения вопросов теории познания, агностицизм и кантианство. Ленин в замечаниях на книгу Деборина «Введение в философию диалектического материализма» отмечает вздорность такого рода теоретических экскурсов.

У некоторых товарищей наметилась тенденция огульного отрицания философских заслуг Плеханова. Этой опасности (выраженной в частности т. Новиковым в его геростратовски знаменитой статье в № 7—8 «Под знаменем марксизма») нужно дать решительный отпор. Другую опасность представляет собой попытка во что бы то ни стало оправдать Плеханова. Известно, что философское руководство смазывало ошибки Плеханова, тормозило их критику. В своем выступ-

лении т. Ческис пытался оправдать ряд ошибок Плеханова, прикрываясь общими критическими замечаниями о Плеханове. Тов. Ческис упрекнул меня в «не эволюционном» подходе к Плеханову. В чем же по его мнению заключается эволюционный подход? Плеханову, говорит т. Ческис, приходилось бороться с идеализмом: поэтому он противопоставлял идеалистам Фейербаха и Спинозу. Исходя из отвлеченно понятой эволюции Плеханова, т. Ческис пытается оправдать апологетическое отношение Плеханова к метафизическому материализму. Такой же подход к Плеханову имеет место у т. Карева. В своей рецензии на «IX Ленинский сборник» Карев объяснял отсутствие у Плеханова методологического понимания диалектики необходимостью борьбы Плеханова с идеализмом. Такое объяснение в корне неправильно. Маркс, Энгельс и Ленин боролись с идеализмом лучше и успешнее, чем Плеханов. Тт. Ческис и Карев подходят к Плеханову формально, с точки зрения одной лишь философской эволюции. Между тем некритическое отношение Плеханова к Фейербаху и другим буржуазным мыслителям коренится в меньшевистской политической тактике, в особенностях оппортунистического мышления.

Меньшевистская идеология ступшевывает коренное различие между буржуазной и пролетарской идеологией. В либерально-меньшевистской оценке истории философии исчезают грани между марксистской диалектикой и диалектикой Гегеля, между Марксом и Фейербахом, между марксизмом и спинозизмом. Обусловленные меньшевистской тактикой философские ошибки Плеханова воспроизводятся формалистско-идеалистической и механистической ревизией марксизма. Конечно нельзя рассматривать в целом Плеханова как механиста или формалиста. Механицизм и формализм берут у Плеханова его худшие стороны.

Либерально-меньшевистский подход к буржуазным мыслителям составляет характерную особенность деборинской школы. Систематические попытки смазать различие между марксизмом и буржуазной философией перешли к деборинской школе от Плеханова-меньшевика. Плеханов полагал, что «на точку зрения спинозизма, освобожденного Фейербахом от его теологической привески, перешли Маркс и Энгельс» (т. XVIII, с. 189). Следуя Плеханову, Деборин полагает, что «марксизм — продолжение фейербахизма», что «время Фейербаха еще придет». Стирая грани между буржуазной и пролетарской идеологией, реставрируя Гегеля под покровом марксистской фразы, Деборин утверждает, что Гегель дал «всеисчерпывающую, реальную картину всех форм движения». Мы знаем, что меньшевизм эпохи Плеханова характеризуется либеральным отношением к буржуазным партиям, стремлением сгладить противоречие между буржуазией и пролетариатом в политике и идеологии. Это стремление проявилось также и в вопросах философии.

Отрыв философии от политики у Деборина и его сторонников нельзя объяснять просто тем, что вот мол сидели люди в кабинете и затеоретизировались. Отрыв этот коренится в самом понимании как философии, так и политики. Возьмите тот ящик категорий, который вырабатывался так называемым философским руководством. Категории эти брались безжизненно, схематично, формально, от случая к случаю иллюстрировались тем или иным примером, а если пример не

подходил, то тем хуже для примера. Ясно, что с таким пониманием диалектики поворачиваться к конкретной действительности невозможно.

Можно ли с антропологическим пониманием субъекта и объекта повернуться к изучению конкретных форм практики труда в период строительства социализма? Конечно нет. У Плеханова и у Деборина получается разрыв между логическим и историческим. Логика рассматривается Дебориным вне конкретных процессов социальной истории, а практика понимается главным образом по Фейербаху, а не по Марксу. Поэтому логика превращается в пустую схему, а теория познания становится отвлеченной догмой. Между тем вопрос о связи между логикой и практикой имеет решающее значение для диалектического материализма.

Вспомните, что говорил Ленин, когда ставил основную проблему в диалектической логике — проблему мышления и бытия. «Если рассматривать,— писал Ленин,— отношение субъекта к объекту в логике, то надо взять во внимание и общие посылки бытия конкретного субъекта (жизнь человека) в объективной обстановке»³⁵.

Тов. Милонов говорил здесь о том, что имеется различие между соотношением мышления и бытия и отношением субъекта к объекту. Различие конечно имеется, потому что субъект не есть только мышление, но представляет собою определенное социально-историческое существо, наделенное целым рядом достоинств физического порядка. Но разве в этом суть вопроса? Суть дела в установлении связи между теорией познания и конкретным субъектом, находящимся в живой действительности. Критика всякого идеализма Марксом, Энгельсом и Лениным велась на почве правильного разрешения вопроса об отношении мышления к бытию, основного вопроса философии. В этом был прав т. Милонов. Но он не учел того, что перед тем, как подойти к проблеме мышления и бытия в логике, мы должны вскрыть соотношение мышления и бытия в практике.

В практике устанавливается конкретное единство субъекта и объекта. Только на почве практики и возможно теоретико-познавательное разрешение проблемы субъекта и объекта. При этом практика всегда есть практика той или другой определенной общественной формации: практика античного мира, практика феодального общества, капиталистическая практика, практика переходного периода, периода строительства социализма и социалистического общества.

Особенное значение при разработке проблемы теории познания приобретает проблема практики в эпоху строительства социализма. Здесь впервые отношение субъекта к объекту в практике выступает в неизвращенной форме. Здесь впервые складывается возможность непосредственного отношения субъекта к объекту, устраняется вся совокупность социальных извращений, имевших место при капитализме в самом процессе труда. Устраняется весь объективный фетишизм предшествующих эпох. Тот труд, который растет у нас в различных формах социалистического соревнования, в ударных бригадах, в бригадах-коммунах, является, употребляя характеристику Маркса, «подлинным трудом». Коммунистическому труду Маркс дает

теоретико-познавательную характеристику «истинный труд». Это чрезвычайно интересно и чрезвычайно важно. Необходимо всесторонне разработать это учение Маркса о «подлинном труде».

В нашей теории познания, в диалектической методологии, отношение мышления к бытию свободно от всякого извращения. Диалектикой устраняется извращенная фетишистская форма предшествующих теорий познания, которые имели место в буржуазном обществе. В нашей методологии проблема субъекта и объекта впервые выступает в ее истинном виде. Это истинное отношение мышления к бытию связано с той истинной формой, какую получает субъект, общественный человек, в социалистическом соревновании, в коммунистическом труде. Здесь устраняются все препятствия к тому, чтобы переход «деятельности в предмет» (Маркс) был в то же время переходом «предмета в деятельность» (Маркс); устраняются препятствия к тому чтобы «опредмечивание» (Маркс) становилось «распредмечиванием» (Маркс). Для диалектической логики это имеет чрезвычайно важное значение.

Меньшевистующий идеализм игнорирует тот факт, что Маркс, прежде чем фазвернуть свой метод в «Капитале» и целом ряде других произведений, ставил перед собою задачу рассмотреть существо коммунистического труда, который он уже тогда мог предвидеть и свидетелями которого мы являемся в настоящее время.

Единство между практикой и диалектической логикой на конкретной почве социалистического строительства — вот что должно быть нашим руководящим принципом. Необходимо разработать все сказанное по этому вопросу Лениным и Сталиным. Для меньшевистующего идеализма разработка материалистической диалектики — это одно дело, а социалистическая практика — это дело другое. Мы же считаем, что нельзя разрешить проблему мышления и бытия в диалектической логике, не изучая соотношения субъекта и объекта в конкретных формах социалистической практики. Это должно быть исходным пунктом в нашей работе, и именно такая постановка вырастает как результат преодоления философских ошибок Плеханова и как результат борьбы с меньшевистующим идеализмом. Тот, кто ограничивает поворот одним только историческим материализмом, в корне неправ. Поворот должен быть сделан также и в области теории познания, в области методологии, в области диалектической логики в целом. Теория познания должна быть обращена лицом к социалистическому строительству. Из новых форм, складывающихся в нашем обществе, мы должны суметь внести нечто новое и в теорию познания диалектического материализма.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Постановление ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г. по докладу президиума Комакадемии	3
Доклад т. Стецкого	6
О третьей силе в период пролетарской революции и пролетарской диктатуры (из доклада т. Ярославского в Комакадемии (от 8 марта 1931 г.)	18
Работа Комакадемии	
Положение на фронте марксизма в Белоруссии (стенограмма заседания президиума Комакадемии (от 11/II—31 г.)	32
Постановление президиума Комакадемии от 21/III по реализации постановления ЦК ВКП(б) от 15/III о работе Комакадемии	41
Отдел докладов и дискуссий	
Кучеров. Ленин и теория познания Плеханова. Реферированная стенограмма доклада и прений. Реферат т. Брушлинского	44
Ларин. Жилстроительство в реконструктивный период	87
По институтам Комакадемии	
Вышинский. Реферат по докладу т. Разумовского „Ленин и истмат“ (доклад зачитан в Институте философии Комакадемии)	108
Павлычев. Реферат по докладу т. Никулихина „О новом колхозном подъеме“ (доклад зачитан в Аграрном институте Комакадемии)	111
Цсцилия Рабинович. Реферат по докладам тт. Варги и Гольдштейна. „Экономический поход против СССР“	113
За границей	
А. Луначарский. Новые течения в теории искусства в Западной Европе и марксизм	117
Ю. Гольдштейн. Буржуазные ученые о мировом кризисе (конгресс Союза социальной политики)	127
Критика и библиография	
Яновская. Математика в «Большой советской энциклопедии»	146
Обичкин и Войтинская. За проведение партийности в программах по диамату. Программа Саратовского университета: „Диалектический материализм“	154
Хроника	
Кен. Гидлевский. Работа президиума и бюро президиума Комакадемии, ноябрь—март.	157